

Странные романы

Юрий НИКИТИН

Баймер

«ЭКСМО»

2001

Никитин Ю. А.

Баймер / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2001 — (Странные романы)

В мир вошла новая консорция, разросшаяся до народности, а затем и до народа, – баймеры. И это не фантастика, это реальность. Баймеры – высшая раса, раса нового мира. Их не понимает старое общество, а они на старый мир смотрят... ну, как мы на милых простодушных жителей деревень в самой что ни есть глубинке. Хорошие там люди. Простые. А вот мы – баймеры!

© Никитин Ю. А., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Авторское предупреждение!	5
Часть I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	38
ГЛАВА 7	44
ГЛАВА 8	49
ГЛАВА 9	54
ГЛАВА 10	61
ГЛАВА 11	66
ГЛАВА 12	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юрий НИКИТИН БАЙМЕР

*Старым и молодым корчмистам, в дебатах с которыми родилась
уже не одна книга! Встретимся в Корчме...*

Авторское предупреждение!

Главный персонаж (я не решаюсь назвать его героем даже литературным) – не бандит, не проститутка и не майор спецназа. Здесь нет убийств, даже мордобоя, увы... Так что любителям острого сюжета совет – покласть книгу взад и шарить по прилавку дальше. Наверняка рядом нечто о бандитах, наемных киллерах, маньяках, психопатах, извращенцах, гомосеках, садистах – словом, весь набор общечеловека в вашем вкусе.

Здесь же центральный персонаж – простой инженер. Без мускулов, даже очкарик. Стрелять не умеет, а левой пяткой с двойного разворота в челюсть мафиози... умрет, но ни в жисть не осилит.

Живет бедно, скучно, подрабатывает ремонтом компов, что значит – не обойтись без профессионального жаргона. Так что не советую покупать эту книгу тем, у кого нет компьютера: забодаюсь объяснять, что такое комп и упоминаемый в книге неведомый Windows.

Вот вроде бы все объяснил, предостерег. Словариков с объяснением непонятных слов к моим книгам не бывает. Споры и обсуждения – в Корчме на сайте <http://nikitin.wm.ru/>. Адрес автора: frog@elnet.msk.ru.

Словом, перед вами стандартный ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ роман. Первый в третьем тысячелетии.

Смотрите, я вас предупредил! Покупаете на свой риск, претензии не принимаются.

ЮРИЙ НИКИТИН

Часть I

ГЛАВА 1

Этот дом в окружении грязно-серых многоэтажек просто элитный бордоский дог среди дворняжек. Он и держится на брезгливом удалении, даже отхватил для себя участок, пометил его изящным заборчиком из кованой ажурной решетки.

Остальные дома, что вообще-то дома как дома, кажутся сделанными из бетонных карт: вытащи одну – рухнет весь дом. А то и соседей завалит. А этот... этот – крепость, замок, каких в Затерянных Мирах навалом, но в сегодняшней Москве еще раз-два и обчелся.

Вокруг замка зеленеет великолепная и роскошная, хоть попа корми, трава. От старой дороги к дому стелется широкая черная полоса асфальта, уложенная с такой тщательностью, словно вместо гастарбайтеров с Украины трудились инженеры Юлия Цезаря. Эта дорога ныряет под ворота, тоже из кованого металла. Все ажурно, просматривается насквозь, вот сейчас из подземного гаража выдвигается серебристая пуля мерса стоимостью под сотню тысяч баксов. Охранники, получив сигнал, что-то там включили, иначе с чего бы створки ворот так изящно и бесшумно поползли в стороны...

С той стороны ворот и дальше – не асфальт, а тщательно подогнанные каменные плиты. Когда я приблизился к воротам, охранник вскинул руку. Его прицельный взгляд быстро просканировал меня с ног до головы, но на террориста я похож мало: средний рост, вес – как у бушмена, очки в дешевой оправе, гордо выпуклая спина, грудь, колесом перееханная, в руках потертая папка с бумагами.

– Ага, – сказал охранник, – ты, эта... ты приходил месяц тому...

– И два, – ответил я так же скромно. – И три. Я аспирант, ношу рефераты.

Он махнул мускулистой дланью.

– Проходи, реферат.

К парадной двери подошли, разговаривая, двое красивых, породистых и осанистых мужчин. На улице такие не попадаются, не встретишь в булочной или гастрономе, но как только по ящику прямые передачи из Думы или правительства, то по коридорам и лестницам именно их прут косяки, стада, табуны, даже ржут, как брабантские кони...

Один, похожий на преуспевающего адвоката, похлопал по карманам, другой, явный банкир или финансист, засмеялся и нажал три кнопки на коробочке домофона. Я остановился за их спинами.

Адвокат продолжал:

– ...мой тоже как-то попросил комп. Вроде бы для занятий... Знаю эти занятия! Что мне делать? Мой отец наверняка сразу бы за ремень, переспросил, что-что? Но сейчас другое время, да и мы... другие. К тому же не стоит забывать, что теперь блюдятся даже права ребенка! Да-да, за ремень могут и лет пять засадить по самые помидоры... Я говорю: хорошо, будет тебе компьютер, а сам так тщательно выговариваю это поганое слово, с ударением, чтобы понял, как надо говорить. И что, намекаю интонацией, если будет говорить «комп», то не видать ему компьютера как своих ушей. Они ж самолюбивые, им ничего нельзя в лоб, а все намеками, подсказками... Будет, говорю, куплю самый новый, мощный, но только если принесешь школьный табель с хорошими отметками. А сам думаю, компьютер-то я куплю, но сразу же установлю на нем всякие пароли, чтобы только заниматься, но ни в каком из Интернетов смотреть порнуху или хуже того – играть...

В коробочке на двери щелкнуло. Из черной сеточки раздался детский голос:

– Кто там?

– Это я, – ответил адвокат и продолжал весело: – Поверишь, с того дня про компьютер... ух и слово ж поганое придумали, язык сломаешь!.. и не заикался.

Снова щелкнуло, дверь чуть дрогнула, освобождаясь от магнитного замка. Адвокат потянул за ручку, я вошел следом, глупо оставаться и перезванивать, академик уже предупрежден, что буду через двадцать минут.

Осанистые даже не удостоили меня взглядом. По мне видно, что я что-то вроде мальчика с пиццей, хотя я не мальчик и пиццы у меня в руках не наблюдается. В огромном холле из будочки консьержки выглянул крепкий парняга, кивнул адвокату и банкиру, меня окинул цепким взглядом, но ничего не спросил, помнит, я, в самом деле, прихожу сюда раз в месяц.

Перед шахтами двух лифтов адвокат нажал кнопку вызова, а банкир или финансист сказал с чувством:

– А я бы сразу спрашивал: играешь на компьютере? Если играет – пороть. Пороть и пороть, пока вся дурь из головы не вылетит. Я ж не говорю, чтобы наши дети обязательно балдели от битлов, от которых мы дурели, но есть же «Любэ», Маша Распутина, Наташа Королева, безопасный секс, для них же добивались!.. Коммунизм для них разрушили, Советский Союз – такую махину – развалили – пользуйтесь!.. Так нет же, вроде бы и не заметили: играют!

– Это тоже наркотик, – заметил адвокат печально. – Наркота, как говорят. Всеобщее падение культуры, увы, увы. Ведь есть же театры, консерватории, музеи, стадионы, наконец... А они уставятся в этот мигающий экран, в эту лампу, там бежит что-то, мельтешит, вот они и впадают в этот... транс! Как эпилептики, только не дергаются. А говорят еще про какой-то двадцать пятый кадр, от которого, вообще, можно стать убийцей... Не все понимают эту проблему, не все!

Наверху огоньки медленно перебегали из ячейки в ячейку. Я почти не слышал, как движется лифт, в этом доме все на высшем уровне. Наверху вспыхнуло окошко с цифрой «1», дверь распахнулась.

Я зашел вслед за этими... понимающими проблему. Снова они меня в упор не замечали, я-де обслуживающий персонал. Банкир или финансист сказал с раздражением:

– Как не дергаются? Мой уже начал. Во сне что-то крутит, куда-то бежит... Пришлось от греха подальше вообще компьютер продать. Даже телевизор теперь включаю только поздно вечером. Чтоб новости посмотреть и – спать. А жаль, у меня ящик этот... ну, что с растянутым экраном!

– Я тоже хочу себе поставить такой же...

Дверь открылась, они вышли, предварительно пропуская друг друга впереди себя, я поехал на самый верх.

Костомар открыл дверь сам: ясно, в квартире один. Его жена, Изольда Ивановна, если дома, то к двери всегда успевает первой. Я вошел и остановился, как всегда робея перед огромностью и величием квартиры академика. Даже прихожая больше похожа на зал исторического музея, на стенах мечи всех видов: от огромного двуручного и до скифского акинака, кинжалы, щиты, топоры, секиры...

Костомар отступил на шаг, чтобы не нависать надо мной, как башня над муравьем. Говорят, сто или сколько там лет тому акселерации не было, но тогда Костомар вообще гигант, выше меня почти на голову, все еще без живота, крепкий и могучий самец с седыми волосами на груди, даже брови уже побелели, а они седеют, я читал, в последнюю очередь.

– Здравствуй, здравствуй, Андрий, – прогудел он благодушно. Он чуть ли не единственный, кто сразу принял «Андрий», не стал допытываться, почему не «Андрей». – Не разувайся... Проходи в кабинет.

Он плотоядно посматривал на толстую папку в моих руках. Глаза довольно блестят, ладони слегка потер одна о другую, словно гигантский хищный богомол при виде молоденького кузнечика.

– Комп включен, – сообщил он, – как раз закончил тест...

– Я проведу его еще раз, – ответил я, – если можно, конечно.

Костомар засмеялся:

– Не церемонься! Ты же знаешь, какие у меня тесты. Встроенные в операционку, только и всего. А у тебя свои, профессиональные...

Я вошел в его кабинет с острым чувством зависти. У Костомара три компа, что для россиянина все еще непомерное богатство. Один из них – навороченный ноутбук, вон разлегся, как породистый кот на подоконнике, а на огромном и длинном, как бронетранспортер, столе во всей красе два брандовских красавца. На самой столешнице – жидкокристаллические мониторы, народ именно мониторы называет компьютерами, а на сами ящики компов обычно внимания не обращает. Оба компа этажом ниже, на специальных выдвигаемых полочках. Мое сердце болезненно и завистливо заныло. Никогда не завидовал тем, у кого машина, дача, даже не завидовал тем, кому удавалось оторвать очень красивую и на все раскрепощенную девушку, но под ложечкой всегда сосет, когда вижу вот такое богатство: самые последние разработки, самые крутейшие видеокарты, самые мощные процессоры, ускорители...

На скринсейвере поворачивается во все стороны Кристина Мюллер с непомерно огромным автоматом и вываливающимся из бикини бюстом. Все в трехмерном, без малейших задержек, во все еще экзотическом для большинства геймеров разрешении тысяча двести восемьдесят на тысячу двадцать четыре.

Со вздохом сожаления я коснулся пробела, Кристина исчезла, появился неподвижный бэкграунд со сценой из оперы «Псковитянка». Тоже в том же небывалом разрешении... Я раскрыл кейс, подумал хмуро, что если бы компьютерная промышленность не развивалась так стремительно, то и я мог бы собрать себе такой же комп. Ну что тут особенного, этот комп не дороже современного телевизора со всеми наворотами!

Увы, на телевизор человек может копить годами, потом телевизор пашет всю жизнь, в его ящике ничего не меняется, зато компы...

Я молча ругнулся. Если кто-то купит комп и весь гарантийный срок так и проработает на нем, ни разу не сорвав пломбы и не заменив одну плату на другую, то этого можно вычеркивать не только из числа геймеров, но даже из числа юзеров. В компьютерном мире, как в бурлящем котле, каждую неделю появляются новые платы, акселераторы, чипы, варианты разгона... Комп, который полгода тому был последним пискom технической мысли, сейчас уже безнадежно стар, на нем виснут новейшие проги, тормозят игрушки... эх!

Над столом, где красивые академические издания классиков, несколько непритворно ярких коробок с программами, операционная система Windows, QuarkExpress, два последних броузера, антивирусные – и все лицензионное, все в фирменной упаковке, страшно и подумывать, сколько это все стоит, не один комп можно купить на эти деньги. Мне, простому юзеру, у которого все с Горбушки да из Митино, в голову не придет покупать за пятьсот баксов, когда то же самое можно за доллар на Горбушке. Но то я, а это академик! К нему приезжают коллеги из-за рубежа, ему либо прятать сам комп, либо выставить на полку фирменные коробки с лицензионными программами.

Но дальше, за этими вот томами Шекспира хранится то, что академик никому не показывает. Даже семье. Правда, Изольда Ивановна, может, и догадывается, но молчит, хранит позорную тайну.

Да, у многих великих были и есть слабости. Теперь стало известно, что Чайковский и Достоевский были гомосеками, Некрасов – картежником, Герцен – алкоголиком, Лев Толстой

бессовестно пользовался правом первой брачной ночи в своих крепостных деревнях, а Суворов любил пороть крепостных просто так, для собственного удовольствия.

У академика еще более позорная страсть, увы. Ведь гомосеки уже не гомосеки, а всего лишь сексуальное меньшинство, для картежников выстроены гигантские роскошные казино, секс ныне проще стакана пепси, для любителей порки есть специальные клубы, там вас ждут с нетерпением жертвы, которые обожают, когда их хлещут...

Но вот для позора академика пока нет оправдания. Если станет известно о его страсти, он будет уничтожен. Репутация его будет погублена безвозвратно, коллеги отвернутся, а его научные труды не будут стоить и гроша.

Костомар принес кофе, сам сварил, заботливо придвинул на край стола поближе широкую тарелку с бутербродами. Бутерброды с красной икрой, каждая икринка блестит, как крохотное солнце на закате, в три слоя...

Я сглотнул слюну, сказал сразу пересохшим голосом:

– Спасибо... У вас чудесный кофе.

– Налегай, – подбодрил Костомар, – пока кофе горячий, а бутерброды холодные... Все хорошо, я уже вижу, что у тебя плата последней модели. Я читал о ней в новостях софта. Не знал, что добралась до Москвы.

– Сегодня, – подтвердил я. Мне было приятно, что академик знает такие новости. – Это только первые образцы. Прислали две штуки, чтобы провести маркетинг. На Западе сомневаются, что у нас будут покупать. Слишком дорого, а прирост обработки текстур невелик.

– Но все же есть? – спросил Костомар. И сам ответил довольно: – Есть! Значит, покупатели тоже найдутся.

– Наверное, – согласился я. – Я тут же схватил один образец, позвонил вам. Пусть маркетинг проводят с одной платой.

– Молодец, – одобрил Костомар. – Ты бери бутерброды, бери. На меня не смотри. Я уже в том лэвэле, когда надо сбрасывать, а не набирать. Пойнты набираю, а тратить некуда.

Плата села в кроватку плотно, я резетнул, а пока комп перегружался, сканировал на вирусы и задействовал новые драйвера, я засмотрелся на чудесный вид из окна. Квартира академика на самом высоком, семнадцатом этаже. Это для Москвы не слишком, но дом на Воробьевых горах, весь огромный город как на ладони... Я в который раз засмотрелся на далекий дом-башню, он на самом горизонте – сейчас мрачный и темный, пока солнце светит в спину, затем станет снежно-белым на темнеющем небе, как сказочный замок магов, когда солнце на этой стороне. Но я бывал в этой квартире и перед самым закатом, тогда башня вспыхивает багровым огнем, словно сказочные кузнецы куют волшебные мечи...

В прихожей звякнуло. Костомар поморщился: Изольда Ивановна вернулась из булочной.

– Погоди, – велел он мне, – я сейчас...

Я слышал, как он приглушенно разговаривал с нею прямо в прихожей. Это любящая пара, но все же даже у самых любящих супругов бывают друг от друга секреты. Я как раз поверенный одного секрета, в котором ни один почтенный человек не признается.

Дверь хлопнула, он вернулся сияющий, подмигнул.

– Отправил в аптеку, – сообщил заговорщицки. – Сказал, что мне нужно обновить запас валокордина. Она обожает лечить!

В кабинете стояла торжественная тишина, великий человек должен трудиться в своем кабинете в благоговейной тиши. Я вздохнул и вытащил из сумки невзрачную плоскую коробочку.

ГЛАВА 2

Академик совсем с неакадемической поспешностью взял коробочку, почти выхватил из рук. Я терпеливо ждал, даже отвернулся, когда он набирал пароль. Среди его электронных энциклопедий, справочников и собственных академических работ есть и hidden, потайная директория, невидимая для всех, а попасть в нее можно только по паролю. Я сам ее сделал, чтобы академик был спокоен за порочащую его тайну, и снабдил паролем, который академик ставит сам, меняет периодически, так как побаивается хакеров, о могуществе которых мир имеет весьма смутные и очень преувеличенные представления.

Высветилась директория «Атомное ядро», в ней поддиректория «Кварки», а еще глубже – «Тахионы». На самом деле это привычная «Games», но я переименовал для спокойствия Костомара, чтоб даже порочащего слова не было в компе, чтобы никаким файндром не отыскать, не засечь.

– Инсталляция идет недолго, – успокоил я. – На хард сбросит всего триста мегов.

Костомар усмехнулся:

– Всего-то? Я помню, когда десяток игр умещалось на одном флоппи. А весь хард моего двести восемьдесят шестого был в сорок мегов!

– Я тоже помню, – ответил я. – И шамусы застал, и дигтеры...

Он смотрел, как на экране медленно заполняется полоска индикатора инсталляции. Лицо стало мечтательным.

– Ты сейчас смотришь и думаешь, что чудит академик, в детство впадает... В игры на компе режется, как дитя малое. Нет чтобы вести умные беседы, как все старики... Да не только старики, но и те из молодых ребят, кто не останавливается, а набирает в учебе и беседах виздом или скиллы. Эх, Андрий! Все дело в том, что эти умные беседы хороши только для того времени, когда не начинают повторяться. В шестнадцать лет все внове, в тридцать – проскальзывают повторы, в сорок – уже чаще всего перемалываешь известное, а в шестьдесят, как вот у меня, все эти беседы – толочь воду в ступе. Не поверишь ли, но я в самом деле знаю наперед, что скажет и как именно возразит мне даже незнакомый человек, если дело касается вечных истин, проблем пола или экономики. Более того, я с ужасом убедился, что начинает повторяться и ассортимент... как бы это сказать, набора личностей...

– А как это?

– Впервые со мной это было во Владивостоке. Я встретил на улице человека, абсолютно похожего на своего знакомого по автостоянке. Здесь, московской стоянке. Я даже опешил, поздоровался, он остановился, и, так как я выгляжу вполне респектабельно, он ответил вежливо, смутился, даже покраснел, что и понятно, естественно, меня видит впервые. Я опешил еще больше: тембр голоса, движения, интонации – все то же самое!..

Я ощутил охотничий азарт – рассказывают нечто необыкновенное. Еще чуть, и я окажусь в своем мире мечей и колдовства, коварных магов и прекрасных принцесс.

– И кто он был?

Костомар развел руками:

– Проще бы сказать, инопланетянин, скопировавший человека. Увы, такие встречи у меня бывали и потом. Я много ездил по стране, встречался с людьми, за пятьдесят лет активной жизни у меня таких встреч около десятка. Я убедился, что при всем разнообразии генетических сочетаний природа не может выпускать только разных особей. Ее набор велик, но все же строго ограничен, а мы видим абсолютное разнообразие лиц только потому, что живем... недолго. И видим тоже мало. Так что, Андрий, когда я избегаю бесед о высоком, то лишь потому, что для меня там нет ничего нового, в отличие от молодежи, для которой все внове: политика, женщины, спорт, ревность, чужие жены, разводы... Зато компьютерные игры... Понимаешь,

всего десять лет назад мы гоняли первого диггера, потом радовались шамусу, а когда в девяностом появился знаменитый «Принц», мы все шалели от его сказочной графики, его неслыханного великолепия. В нем не было еще таких функций, как сэйв, а уровней там пятнадцать, после каждого провала приходилось всякий раз сначала, я до сих пор могу пройти до конца почти с закрытыми глазами!..

Я кивнул.

– Помню, видел ее... в детстве. Треть мегабайта занимала, да?.. Конечно, теперь игруха в девятьсот мегабайтов считается средней.

– Вот-вот, – поддержал Костомар. – А всего-то прошло десяток лет!.. Не прошло – промелькнуло. А прогресс – выше крыши. Каждая игра – это качественно новый скачок, новая графика, новый мир, новый дизайн, новый движок... Я всякий раз воочию вижу явный и быстрый прогресс... которого нет в бесконечных разговорах о роли русской культуры, о духовности, о морально-этических принципах и общечеловеческих ценностях!

Инсталляция закончилась, игра запустилась сразу. По экрану помчались на быстрых конях смуглые казаки с острыми худыми лицами. Костомар нетерпеливо эскейпнул, музыка оборвалась, а на экране высветилось: «Новая игра».

Костомар плотоядно потер ладони:

– Щас потешусь!.. Я уж с годик читаю превью, смотрю скриншоты, даже трейлер скачал... Наобещали новинок массу! Посмотрим, как сумели, посмотрим...

Я поспешно поднялся, а то еще выкинет от нетерпения из окна. Костомар расплатился, а когда я попятился к двери, он крикнул вдогонку, не поворачиваясь от экрана:

– Захлопните дверь, там хорошая защелка!

От дома Костомара тропка повела к проспекту, мои шаги замедлялись, будто я превратился в жука на морозе. В кармане двести баксов, но все равно тянущее чувство под ложечкой растет, поднимается выше. Сосет, как будто во мне ворочается голодный солитер. Жрет, гад, внутренности. Даже не больно, он как-то анестезирует, но там пустота разрастается, как антивселенная.

Сегодня у меня навар неплохой, но будет ли что завтра-послезавтра? Я без работы. Вернее, без постоянной работы. Пакостное состояние, будто неполноценный какой, урод или калека... Хожу, сшибаю шару. Там доллар, там два – это не зарплата. Хотя, правда, до одного-двух долларов все же не опускаюсь, но и тысячи не гребу. А когда вот так, по мелочи, то лучше бы твердая зарплата. Пусть так же мало, сколько имею сейчас, но постоянно, с выплатой два раза в месяц, аванс и получка. Аванс и получка. И так месяц за месяцем, год за годом...

Плечи зябко передернулись, будто я голым выскочил под зимний ветер.

Народ по улице двигается увереннее, чем я. Правда, большинство из них приезжие, но и приезжие где-то работают. А этих, неработающих, я уже начинаю отличать от остальных. У них другое выражение глаз, лица, даже двигаются как-то иначе. Суетливее, что ли.

Куда податься? Двести долларов в кармане, а день еще только к обеду. Не скажу, что заработал за один визит, тут сложная комбинация, я видеокарту все-таки купил, но я беру по оптовой, а ставлю клиентам по розничной, вилка здесь немалая.

Из сухой городской почвы выполз, спасаясь от давки, огромный дождевой червь, в диаметре с метр, если не больше, из толстого листового железа. Дорогу ему перегородило асфальтовое покрытие, разбитое, как после бомбежки, но машины ходят, могут задавить, потому червяк вздыбился метров на пять, снова потянулся горизонтально через дорогу, где на той стороне с облегчением переломился под прямым углом и поспешно начал зарываться в землю, чтобы исчезнуть из этого жаркого сухого мира, словно его и не было.

Небольшой отрезок, где он на высоте, его подпирают два столба в виде буквы Т и небольшая железная конструкция, ибо бетон лишь поддерживает, а железо еще и удерживает, чтобы

не соскользнуло вправо или влево, захватив трубу в прочное стальное кольцо. За это все четыре железные лапы одеты, как у породистой собаки, в белые чулочки бетонных блоков.

А впрочем, подумал я практично, чтобы не ржавело. Железный червяк пламенеет ржавыми пятнами, но только сверху, словно это не червяк, а туша дракона, со спины которого сорвало гребень, и там теперь сочится драконья кровь. Такого же точно я завалил вчера в «Дракан»'е, если не крупнее...

Я поковырял носком разбитый асфальт. Черт, больше заказов нет, причины задержаться нет, приходится обреченно тащиться домой...

Краски поблекли, здания чуть качнулись и, оставшись зримыми, ушли в дымку, одновременно обрели полупрозрачность. Сквозь опостылевший плоский мир проступил сверкающий город из высоких башен, замков, крепостей, дворцов – все из оранжевого, как солнце, гранита. На крышах трепещут красные прапорцы, в центре гордо вздымается высокий строгий замок. Слышно, как заскрипели слегка проржавевшие цепи, подъемный мост медленно начал опускаться.

Дюжие стражники с усилием открыли тяжелые створки ворот. Из замка выехали двое всадников. Я вздрогнул: это была принцесса Маджента с отцом.

Рядом со мной раздался почтительный голос:

– Сэр, ваш конь уже оседлан!

Юный оруженосец смотрел на меня с почтительным восторгом. Я кивнул, приходя в себя.

– Отлично. Сегодня же голова Черного Властелина будет на моем копье!

Я вскочил в седло. Конь ржанул и бодро понес меня по асфальту.

Перед домом из красного кирпича, ближе к нашему подъезду, с задраным подолом застыла в ужасе металлически-серая беспомощная волга. Из распахнутой, как у бегемота, пасти торчит объемный зад, ягодицы выразительно двигаются, перекатываются, как желе в огромных целлофановых мешках. Там, за ягодицами, наверное, есть даже человек. Что-то вроде дантиста, врачующего зуб мудрости годзиллы.

Человек вылез из железной пещеры, в ладонях зажаты, как мечи, длинные разводные ключи. Крупный, как наемник-варвар из второй дьяблы, фигура монстра, но сильное свирепое лицо подпорчено цивилизацией: рыхловато, пухлые губы, а глаза и вовсе умные. Кивнул мне покровительственно, знает, что я тоже знаток железа. Только мы свое железо зовем хардсофтом.

– Здравствуйте, Валериан Васильевич, – сказал я.

Этот варвар-наемник Валериан Васильевич – доктор наук, социолог. Крепкий, уверенный в себе мужчина. Несмотря на высокую ученую степень, в квартире и на даче все делает сам. Я с завистью видел, как он остеклил балкон, а вот у нас ветер воет во все щели, а зимой балкон заметает снегом, как яранги на Чукотке.

– Привет, Андрий, – ответил он мягким бархатным голосом тургеневского интеллигента. – Как вы это делаете?

– Все правой, – ответил я.

Мы поскалили зубы, это был доморощенный перевод «How do you do?» и «All right!», пародия на пиратские переводы американских фильмов. Валериан Васильевич тоже предпочитает покупать на Горбушке, что русской интеллигенции не мешает считать себя интеллигенцией и со спокойной совестью критиковать все и вся, кроме себя любимой...

– Все исправно... – сообщил он мне. – Но что-то вроде бы начало постукивать. Надо все заранее учесть, проверить. У меня еще никогда машина не ломалась в дороге, а я за рулем пятнадцать лет!

В нашем доме все знают, что он мог бы отогнать в сервис, жалованье позволяет, но любит все знать и уметь сам, за что его самого знают и уважают во всем доме. Даже автомобили-

сты попроще, инженеры и служащие, идут к нему за советом. А Валериан Васильевич придет, посмотрит, быстро найдет поломку, сразу покажет, как исправить... Ему бы открыть фирму по ремонту автомобилей, говорили восхищенные автолюбители, зарабатывал бы больше, чем на своей докторантуре, но Валериан только посмеивается. Такое же говорили ему и те, кто видел, как он своими руками построил дачу. Мол, сколоти бригаду, будешь зашибать впятеро больше. Или открой фирму, будешь руководить, ты же знаешь, что и как...

Я видел, как он делает утренние пробежки. Ему, в отличие от простого инженера, на его ученую службу идти на пару часов позже, успевает добежать до парка и обратно, принять душ, плотно и с аппетитом позавтракать, а потом я смотрел с завистью, как он на своей абсолютно исправной волге выезжает со двора. Пусть в универе платят впятеро меньше, но... да нет, это даже объяснять не надо!

– А может, – сказал я, – в самом деле, все бросить... и в этот, как его, Урюпинск?

Он вкусно расхохотался.

– Еще поборемся здесь. Скажи отцу, что я зайду на чашку кофе. Мне дали переписать одну занятную видеокассету...

Дома я врубил комп и, пока он загружался и трудолюбиво искал вирусы, быстро просмотрел распечатку вчерашних новостей с сайта хардсофта. Не худо, цены падают даже быстрее, чем ожидал...

В соседней комнате ящик стал орать тише. Я поморщился: так и есть, дверь распахнулась, на пороге отец. Красивый у меня отец, благороднолицый, породистый, похож одновременно на аристократа и чеховского интеллигента. Но закончил Бауманку, по образованию технарь, чего никогда не скажешь, если послушаешь хоть пару минут его выпады против техники, что гробит экологию, против проклятой науки, что измельчает душу и наносит вред культуре и ноосфере.

– Опять за свой компьютер, – сказал он неодобрительно. – Глаза испортишь...

– У меня элэсдэшник, – ответил я.

Он покачал головой:

– Что за жаргон... Я же видел, у тебя раньше был защитный экран! А теперь сидишь без экрана. Вон уже шуришься.

– Это не такой экран, – сказал я терпеливо. – Он совсем на другом принципе, чем те, старые. Никто от них глаза не портит.

Он возразил:

– Это все равно лампа. Огромная лампа! А ты сидишь перед этой огромной лампой, смотришь в нее ежедневно по десять-двадцать часов! Да что там десяток... Вчера ты сидел перед этой лампой целые сутки.

Я чувствовал приступ тоски. Мне спрятаться труднее, чем академику. У того восьмикомнатная квартира, а живет только с женой и собакой. Жена не смеет даже пройти на цыпочках мимо кабинета, «когда Они работают», а собаке по фигу, что на экране компа: научный труд или новая игрушка, она его любит и обожает любого, даже если он с благородной real-time strategy перейдет на простейшую стрелялку.

Раньше мы жили в большой трехкомнатной квартире, я каждый день слушал, как мой дед, тоже упорненький такой интеллигент, пытался заинтересовать сына, то есть моего отца, классической музыкой. Ну, всякими там битлами, аббами и прочими квинами, но отец балдел только от голливудовских фильмов новой формации. Наверное, если б они нашли общий язык, то, может быть, не разменяли б квартиру. Или разменяли бы позже. Но чересчур разные вкусы, то да се, и вот старики выменяли себе неплохую однокомнатную, а мы с батеи в терпимой двухкомнатной...

Что ж, дед не понимает сына, у бати другие ценности, но теперь даже у меня с отцом уже не того... Раньше шли ноздря в ноздю, оба одновременно открыли для себя Шварценеггера,

Ван Дамма, Сталлоне, Караченцова, Спилберга, Ричарда Гира, Костолевского, Рафаэлу Кару, но потом прямая линия расщепилась. Или не расщепилась, отец прет все по той же дороге, ессно, единственно верной... нет, даже не прет, а осваивает участок, на который вышел, а меня понесло по совершенно новой дороге, усеянной хардом и софтом, драйверами, чипами, платами...

И вот теперь отец говорит о какой-то Сюзерленд, о новой суперзвезде Томми Крузе, а я даже таких фамилий не слыхал, зато я точно знаю, что звезды – это Сид Мэйер, Джон Ромеро, Пажитнов, а суперхиты – Дайкатана, Симс, Мэджести, вторая дьябла и «Казаки в европейских войнах»...

Отец говорит про изумительную игру актеров и рисковую работу каскадеров, а я точно знаю, что все это компьютерные спецэффекты, я сам такие мог бы сделать, если бы машину помощнее, даже программлька для этого есть, даже не одна, навалом.

– Кофе заканчивается, – заметил я. – И сахар.

– Я уже заказал, – ответил он. – Прямо на дом доставят! Мешком покупать дешевле...

– Кофе мешком?

– Нет, сахар. Кофе... рискованно.

Отец мой, как уже говорил, закончил в свое время Бауманку, специализировался по турбинам высокого давления и, как большинство людей, получивших техническое образование, считал себя на этом основании неполноценным. Сколько я его помню, он всячески проламывается в гуманитарность: покупает книги по искусству – у нас полки ломаются от всяких непонятных далей и шагалов, собирает какие-то дешевые репродукции – на дорогие картины нужны доходы, а не какая-то смешная зарплата, выписывает газеты и журналы, где в названии встречаются слова «культура» или «искусство».

Когда я был совсем маленьким, я помню, отец с гордостью называл себя алармистом, затем – антисайентистом, всегда с одобрением говорил о «зеленых», и, сколько я себя помню, я слышу о гнетущей роли науки и техники, о падении нравов, о бездуховности прогресса, о нивелировке культуры...

Любую техническую новинку, будь то электрогриль или компьютер, отец воспринимает враждебно. Инстинктивно враждебно, даже не вникая в ее работу. Думаю, что и телевизор он купил в числе последних, если телевизор не был куплен его отцом, а моим дедом.

В дверь позвонили. Отец пошел открывать, а я поспешно скользнул на кухню. Была мысль вообще приспособить кофейник прямо в комнате, но тогда со старшим поколением связь оборвется, нехорошо. Кухня у нас место для брифингов.

Я торопливо угощал кофе Мадженту, она ахала и вскрикивала от восторга, я успел показать ей, как включается электроплита, но тут в прихожей раздались голоса: преувеличенно радостный и приветливый отцовский и благодушный рокот Валериана Васильевича, они с отцом давние друзья. Потом оба вдвинулись на кухню, я вежливо поинтересовался, не сварить ли и для них, Валериан Васильевич великодушно согласился.

– Что-то вы похудели, – сказал мне благожелательно. – И такая интеллигентская бледность... В такое время остаться все еще незагорелым?

Отец сказал осуждающе:

– Похудел!.. Если бы только похудел. Он пристрасился к этой наркоте, к этому последнему созданию сил тьмы... Вот глаза красные, как у ангорского кролика.

Валериан Васильевич кивал, соглашался, большой и благодушный, как огромный медведь. Он расположился в единственном кресле, кухня у нас полногабаритная, кроме кресла, еще и так называемый уголок, так что тусовочка может быть еще та.

– Да, не та молодежь пошла, – согласился он. – Худшие вообще колются, гомосекничают, а лучшие – за этими ящиками, где на экранах что-то бегают, мелькает!.. И не могут оторваться от этого мелькания. Аддикция.

Отец сказал мечтательно:

– А помните, Валериан Васильевич, наше время? Помню, даже за обеденным столом читал! Поставлю книгу посреди стола, подопру ее чем-нибудь и хлебаю из тарелки. А глаза все время бегают по строчкам... Да какие там строчки! Это сейчас так говорю, а тогда я был в другом, неведомом мире. Спасал принцесс, побивал магов и драконов, вершил справедливость на всей земле. Потом узнал, что мать тайком мне подкладывала котлет, которые я не любил, а за книгой я все, оказывается, сжирал. Думаю, что, положи она на тарелку грязные отцовские носки, съел бы! И не заметил.

Валериан Васильевич кивнул, его глаза так же мечтательно закатились под надбровные дуги.

– Это все знакомо. А я вот, когда гнали спать, тайком брал книгу и фонарик. Под одеялом укроюсь с головой, фонарик зажгу и читаю. Родители видят: нет света из-под двери. Значит, ребенок спит. А этот ребенок читает, пока батарейка не сядет, а наутро идет в школу с красными глазами!

Отец хохотнул:

– У меня было то же самое. Родители даже к врачу водили, представляете?

– Не представляю, – ответил Валериан Васильевич вкусным голосом, и я вспомнил, что многие из их поколения произносят это «представляете» или «я не представляю» с подобными интонациями. Наверное, в их годы это было как шас «круто», «клево», «тащусь», «отпад». – И что сказал врач?

– Нашел нервное истощение и прописал рыбий жир!

– Фу, гадость, – скривился Валериан Васильевич.

– Еще какая, – подтвердил отец, – но пришлось, пришлось... Не выдавать же тайну, что вместо сна читаю ночи напролет!

– И много жира пришлось?

– Если сложить все, то ведра два наберется, – сообщил отец. – Я был упорный. Ради того, чтобы читать больше, чем разрешалось, я бы даже укус пил.

Я молчал, как рыба об лед. Этим монстрам на зуб лучше не попадаться. Для них я вообще враг, от меня эти проклятые компьютерные игры, что развращают молодое поколение. Пусть я не создаю, но все же распространяю. От книг ребенков отрываю! От мудрого и неспешного чтения!

Коричневая пена поползла вверх, я поспешно отставил джезvu. Сейчас только разлить по чашкам, я ж вежлив, и можно смываться.

Валериан Васильевич спросил тем же благожелательным голосом владетельного лорда:

– Андрей, а вы когда в последний раз читали книгу?

– Сегодня, – ответил я.

– Да ну? А мне показалось, что у вас совсем мало книг...

– Триста тысяч томов, – ответил я.

Он не поверил, сделал большие глаза.

– Как это? У меня около десяти тысяч, но это занимает две комнаты...

– А у меня все на одном диске, – ответил я. – Очень удобно.

Они врубались не сразу, а как будто оттаявшие после ледникового периода мамонты, потом Валериан Васильевич протянул разочарованно:

– Но это же... Это ж не библиотеки! Библиотека – это когда книгу берешь в руки, чувствуешь ее аромат, запах типографской краски, когда слышишь шелест страниц...

Я помешал ложечкой, чтобы гуща поскорее села на дно, сказал мирно:

– Вообще-то книги создавались как переносчики информации... но если так важен запах и шелест, то все это можно устроить и с помощью компа. Вообще-то книги в классическом виде уже начинают уступать экранным...

Валериан Васильевич возразил очень корректно, но брови взлетели в сильнейшем удивлении и даже негодовании на середину лба:

– Да что за рениксу вы, простите, порете?.. Да кто же предпочтет читать с экрана монитора, когда с книжечкой можно полежать на диванчике, взять с собой на пляж, даже, уж простите...

Я подумал, что с экрана уже сейчас предпочитают читать все, у кого нет денег на покупку дорогих бумажных, но тут с гадким смешком сказал отец:

– Да что уж там, говорите! Моя жена свои любовные романы берет с собой даже в туалет.

– Вот-вот! Это я и хотел сказать, но язык прикусил некстати.

– Да уж извините, что я такое за столом. Пастернак бы такого не позволил. Помните, как у Мандельштама... Нет, это у Бродского, там очень хорошо сказано, не находите?

– Да-да, – сказал отец и посмотрел на меня укоризненно. – Но это поколение из великого Булгакова помнит разве что «Мастера и Маргариту», но и то... тинейджеры уже и Булгакова не помнят! А попробуй им сказать о Зинаиде Гиппиус, Набокове, Платонове... А стихи гениального Хлебникова? Разве их можно читать с экранов?

Я пробормотал тоскливо:

– Да я уж и не знаю, что сказать... Это ж все равно что сравнивать первые автомобили с каретами! За каретами – технология тысячелетий, опыт всех народов, работающие фабрики по производству рессор, колес, подвесок, кнутов, хомутов... а авто тогда клепали в сарайчиках. Я посмотрю на соответствие между бумажными и электронными лет через пятьдесят.

– То же самое и будет, – сказал, как припечатал, Валериан Васильевич. – А то и вовсе от вашей электроники останется только пыль. А вот книги – вечные!

Он сказал с таким апломбом и убеждением, что я сразу умолк, тем более что кофе разлил, не пролив ни капли, теперь со своей чашкой могу убраться в свою берлогу. А то получается, что я нападаю именно на книги, на книги вообще. А они эти книги защищают от меня, варвара нового технологического века.

ГЛАВА 3

Я просматривал, что же за мое отсутствие в компе появилось нового, а из комнаты отца раздались странные для современного мира, но для меня уже привычные звуки. В древности это считалось музыкой. По инерции и сейчас еще так называют, а когда исполняют подобную «музыку», то для ее дудения и даже выслушивания одеваются в ритуальные масонские костюмы, собираются в особых храмах.

Отцовская деревянная штука с множеством натянутых внутри металлических струн называется пианиной. Эта механическая штукovina досталась отцу от его отца, а тому от его, то есть от моего прадеда. Тот тоже не купил, а не то экспроприировал в революцию, не то сам сумел как-то сберечь собственную, так как где-то и в чем-то каким-то боком принадлежал к «бывшим». Может, и не принадлежал, но моему отцу так хочется быть причисленным к одухотворенным личностям, что теперь и сам готов поверить то ли в унаследованное дворянство, то ли в гильдиевство.

Во всяком случае, дед, помню, скрипел на этой штуке очень хреново. Из отца, говорят, изо всех сил тесали великого пианиста, но батя прирожденный инженер, интегралы как семечки шелкает, несущую балку рассчитывает в уме, так что жизнь взяла свое, а пианино таскается за нами «как память» и как смутная надежда, что у кого-то из потомства прорежутся великие способности одного из диких волосатых предков.

На всякий случай отец время от времени садится за этот тамтам, что-то потихоньку барабанит, все в надежде на то, что во мне что-то откликнется и я как безумный брошусь к этим гусям, отпихну его и в иступленном вдохновении создам Великое Посконное Нечто...

Хотя это я так, ерничаю. На самом деле он сам начинает искренне тянуться к музыке. И вообще искусству. Видать, несущие балки осточертели. Жаль только, не понимает, что это уже не музыка, а так... Играть можно и на расческе. Я видел мужика, что играет на бутылках. Поставил штук двадцать в ряд, налил воды по-разному: от полной до пустой и колотит двумя ложками.

Как будто тот Вольфганг Амадей Гёте, или как его там, не предпочел бы мой звуковой синтезатор на компе, если бы имел! А так бедолаге приходилось стучать на том, что было в его веке. На бутылках так на бутылках, на лютне так на лютне. Тогда самым крутейшим считалось пианино... вот и доставали себе пианины, как вот сейчас все добывают GeForce, а желательно и вовсе находящийся на испытаниях GeForce-2. Тогда из пианины выжимали точно так же все, как сейчас жмем масло из видеоакселераторов, плат, разгоняя их так, что возле компа можно сидеть только голым, как возле плавильной печи алхимика.

Когда-то и мой комп станет антиквариатом, как вот этот... отцовский барабан. Может быть, ценители через сто лет за мой комп дадут даже больше, чем за свой сверхнавороченный Пентиум-100 с терабайтом оперативки. Ведь антиквариат ценен не потому, что «хорошо», а потому, что либо древнее, либо просто уж очень редкое. С этой нелепой точки зрения кирпич из могилы Хеопса ценнее, чем мой «Аттила» или навороченный ноутбук, несмотря на то, что мой комп может показывать фильмы, ловить все телепередачи, в нем две сотни крутейших игр, он сам быстро выходит в Интернет и держит в памяти пару сот ссылок, адресов сайтов, не считая получения новостей из газет и прочей массмедии прямо на хард, а также следит за моим распорядком дня, вовремя будит меня и напоминает мне, когда что сделать, а то и сам отправляет за меня письма!

Но для придурка дороже кирпич Хеопса или раскрашенная доска, именуемая иконой какого-то века. Нет, я точно с ними не найду общего языка.

Мои пальцы коснулись модема, но включить не успел, зазвонил телефон. Чертыхнувшись, я поднял трубку.

– Алло?

Из мембраны раздался злой плач. Разъяренный голос прорыдал в трубку:

– Этот гад... этот гад!.. Ненавижу! Он мне все провода изгрыз! Я теперь без Интернета!!!

А тебе по сотовому.

– Щас выхожу, – сказал я торопливо и как можно быстрее положил трубку на рычажки.

У Нинель есть сотовый, но пользоваться им родители не разрешают. Только для экстренных случаев, как они сказали, но мы понимаем, что сотовый исключительно для шика. Девочка с мобильником, а это значит, что из небедной семьи. Рейтинг девицы на выданье выше. Как в том анекдоте: товарищ сержант, можно я пойду в каптерку посмотрю телевизор? Можно, но только не включайте.

Нинель живет через два дома, мы даже в одну школу ходили, только она на четыре класса моложе. К ее дому добрался за пять минут, влетел в лифт, погнал его наверх.

Когда створки раздвинулись, Нинель с заплаканным лицом ждала на площадке. Сейчас она уже не грузинская царица, какой казалась мне всегда, а разъяренно-обиженная фурия с распатланной копной иссиня-черных волос. Дверь в квартиру распахнута настежь, я только сделал шаг, как уже все понял.

Когда-то Нинель купила у станции метро карликового крольчонка. Особой экзотической породы. Самый писк. Как однажды в нашу страну завезли джунгарских хомячков, удивительно крохотных, а теперь все так привыкли, что их считают нормой, а обыкновенного хомяка – уродом-переростком. Потом завезли карликовых колли, шелти зовутся. Еще завозили каких-то канное-корсо, самых модных собак, очень дорогих, помню, как на всех рынках лохам продавали морских свинок, уверяя, что это щенки бульдьеров. Так вот теперь везут этих карликовых кроликов. Так ей сказали. Но вырос обыкновенный гигантский кроль вульгарис, толстый, наглый. В отведенном ему домике, понятно, не помещается, пришлось разрешить гулять по всей квартире, а квартира у них немаленькая... Все истоптал, испортил, телефонные шнуры постоянно грызет, доступа к Интернету лишает, толстый, гад...

Я остановился посреди комнаты. За диваном трещало и рвалось, будто бульдозер взламывал стену. Из-за стола торчат обрывки проводов, а исправить надо все к возвращению родителей Нинель со службы.

Кроль выпрыгнул как кенгуру, сел на задние лапы и посмотрел на меня с неприязнью.

– Давай я его отлуплю, – предложил я.

– Отлупи, – согласилась Нинель с надеждой. – Отлупи его, гада!

Я пошел к кролю боком, делая вид, что совсем не пытаюсь его поймать, а сам заискивающе приговаривал, какой он хороший, сюсюкал, тетекал, а кроль смотрел с насмешкой, все понимает, гад. Все же я схватил его с удивительной легкостью, даже сам удивился своей ловкости, и тут этот гад с ушами показал, ради чего он позволил себя ухватить. Я согнулся от сильнейшего удара в солнечное сплетение, словно чугунный Долгорукий влупил обоими копытами.

Кроль брякнулся на пол, отошел на пару шагов, сел и посмотрел на меня с наглым интересом, словно новый русский в театральной ложе на билетера. Я хватал ртом воздух. Наверное, побелел, Нинель спросила сквозь слезы:

– Тебе плохо?... Этот гад и тебя обидел?

– Да нет, – прохрипел я. – Мы с этим кенгуру играем...

– Нашел когда играть!

– Ты права, – ответил я вымученно, – игры на потом... Сперва наладим связь...

Электрику и телефонный шнур я наладил в два счета, не первый раз, особенно не стараясь: кроль уже присматривается, а как уйду, тут же все попробует на зуб, ибо в его доме никто и ничто не осмеливается менять без его ведома. А зубы у него как у динозавра.

Нинель смотрела с надеждой, глаза то и дело прыгали в сторону больших декоративных часов на стене.

Пятясь, я вылез из-под стола, хлопнул себя по лбу:

– Знаю!

Быстро набрал номер, телефон работает, отец взял трубку, сказал «я слушаю», он никогда не говорит это привычное «алло», я сказал торопливо:

– Привет, это я. Валериан Васильевич еще не ушел?

– Пока здесь, – ответил отец заинтересованно. – Но уже выходит. А что?

– Дай ему трубку, пожалуйста!

Я быстро сунул трубку в ладонь Нинель. Нинель пропищала «алло», прислушалась, повторила, потом выпалила счастливо:

– Ой, как хорошо, что вас застали! А то у меня нет вашего телефона... У меня проблема. Только вы можете меня спасти!

До моего слуха донесся красивый баритон Валериана Васильевича:

– Спасти? Это по моей части. Я люблю спасать мир. Особенно в выходные. А еще лучше, если не какой-нибудь там мир, а красивую женщину, что, безусловно, ценнее. Что случилось, Нинель? Насколько срочно?

– Уже не так срочно, – ответила Нинель, – но я готова хоть...

– Тогда иду, – ответил Валериан Васильевич. – Нет-нет, не благодарите, а то у меня рубашка покраснеет от неловкости. Я как раз выходил, вот Михаил Русланович не даст соврать, а мне к вам по дороге.

Минут через десять в дверь позвонили. Валериан Васильевич бодро переступил порог, я заметил, как Нинель сразу ощутила облегчение и успокоенность. С Валерианом Васильевичем вошло то, что женщины отчаянно ищут в мужчинах: уверенность и надежность. Аура надежности струилась от него, как сухой жар, вытесняла воздух отчаяния и упадка, и вот уже даже от стен отражаются эти волны надежности, властности над жизнью.

– Что стряслось? – спросил он. Мы наперебой объяснили, он посмотрел удивленно, что за лузеры, сказал: – А зачем, вообще, терпеть? Кроль толстый, жирный. Шкура отличная, мех густой, плотный. Можно хоть продать, хоть самому кроличью шапку сделать. А мяса сколько!.. Хорошее нежное мясо, тут одного жира можно натопить целый тазик! Жир кролей целебный, помогает при подагре, ревматизме, остеохондрозе и выпадении коленной чашечки, а также еще при сотне болезней. У меня есть справочник, могу дать выписать...

Кроль делал отчаянные прыжки, с Валерианом он не рискнул играть, как со мной, но сильная рука ухватила за длинные уши, подняла. И хотя я знал, что так всегда берут зайцев и кроликов, но мне стало жалко, будто меня самого подняли за уши. Кроль отчаянно задержался, а когда понял, что вхолостую, повис с самым жалобным видом, как вытасенный из воды бобр.

– Да, – определил Валериан Васильевич, – жирный.

Нинель слушала, слушала, смотрела на пушистого гада, что лишил ее сегодняшнего доступа в Интернет, соглашалась, искренне желала, чтобы этот гад закончил жизнь под ножом этого... мужественного и сильного человека, потом, я это видел, начала представлять, как тот его зарежет... нет, это лучше не представлять, а вот как она будет есть это нежное мясо...

Она содрогнулась всем телом, словно ее скрутила судорога.

– Нет, – вырвалось у нее непроизвольно, – нет! Есть я его не смогу.

Валериан Васильевич пожал плечами. На красивом интеллигентном лице было презрение к таким мерехлюндиям.

– Хорошо, – согласился он. – Уже встречал такое, хотя никогда не понимал этой блажи... Хорошо, можно не есть. Можно продать мясо и шкуру, на вырученные деньги купить другое мясо и шкуру. Или купить новые шнуры и полкомпьютера в добавку!

Он захохотал, сильный и уверенный человек, настоящий мужчина, хозяин жизни. К таким любят прислоняться женщины: к надежным, как они говорят. Добротным. Которые по ночам не гоняют по экранам игрушечные самолетики, а все в семью, все в семью...

Я пытался встать на его точку зрения, твердил себе, что съел бобра – спас дерево, но все равно было так гадко, словно я вместо бобра съел само дерево.

Нинель вдруг, неожиданно для себя, выхватила из его рук толстого гада, прижала к груди. В отместку кроль сильно двинул задними лапами по лобковой кости. Нинель закусил губу, побледнела, глаза стали совсем отчаянными.

– Нет, – выговорила она с трудом. – Нет... Я тогда вообще не смогу есть мяса... Никогда.

Валериан Васильевич удивился:

– Почему?

– Мне будет казаться... что это мой Васька.

Валериан Васильевич сказал покровительственно:

– Но ведь, если разобраться, все мясо, что мы едим, это мясо каких-то васек. Пусть даже безымянных кролей, кур, овец, коров. Ну и что? Мне, к примеру, аппетит не портит.

Он захохотал, сильный и уверенный. Надежный, добротный.

– Все равно, – ответила она сердито. – Это я знаю умом, но... не чувствую. А так буду и чувствовать!

– Это самообман, – констатировал он. – Компромисс с совестью.

– Да, – согласилась она. – Вот такая я. Не желаю знать, из чего котлета на моей тарелке! Закрываю глаза. Трусливая я, трусливая!.. Но моего Васеньку не отдам.

Она поцеловала кроля в толстую морду. Тот фыркнул и чисто по-мужски попытался вырваться.

На прощанье Валериан Васильевич сказал сочувственно:

– Я понимаю вас, но... учтите, кроли долго не живут. Сейчас можно полакомиться хорошим молодым мясом, а через пару лет он подохнет... извиняюсь, преставится от старости. Не сомневаюсь, будете лечить, ухлопаете кучу денег, но все равно околеет. Пропадет и мясо, и шкура. Да еще и хоронить придется! С таким слюнтяйским отношением не в мусорный же бак на улице?

Нинель видела в его глазах презрение и глубокую жалость, какую здоровые сильные люди испытывают к увечным, смертельно больным или умалишенным.

Я сказал:

– А может быть, мы в самом деле... лузеры?

– Похоже, – ответила она сердито. – Вон даже кроль меня обижает!

Возвращаясь от Нинель, я чувствовал себя таким лузером, что понесся на горячем рыцарском коне, повергая гадов в дорогах доспехах направо и налево. А потом ударил со всего маху в крепостные ворота, те рухнули с грохотом, и я ворвался во внутренний двор замка Темного Принца.

Народ разбежался в диком страхе, они еще не видели такого ужасающего всадника: огромного, с развевающимися волосами, со злым решительным лицом, стремительного и яростного. Со стен зашелкали тугие арбалеты, но короткие железные стрелы отскакивали от моих доспехов, как сосновые иглы.

Я скинул длинный блистающий меч в мускулистой руке, грянул страшным голосом, от которого даже у самых отважных мечи посыпались из рук:

– Выходи, подлый похититель!.. Пришел твой смертный час!

Ключ наконец повернулся в скважине, я вошел в прихожую, навстречу отец с газетой в руке, в глаза бросился крупный заголовок «Культура в беде!».

– Что-то случилось? – спросил он встревоженно.

– Да пустяки, – буркнул я.

В ушах еще звучали, быстро затихая, крики раненых, ржание коней, грохот падающих камней.

– У тебя глаза горят... Да и дыхание учащенное, будто бежал. В самом деле, ничего? А то полно хулиганья...

Я отмахнулся, в комнате ко мне побежал, виляя хвостом, диван, щас я добыю наконец насильника, затем можно к Темным Властелинам, которые и есть истинные гады... можно для такого боя захватить бластер... а также мнемокристалл, позволяющий читать мысли врага... А так как они по тысяче лет тренировались в рукопашных схватках, а нападут все на одного, то неплохо бы взять и замедлитель времени... чтобы я мог двигаться в десятки или сотни раз быстрее...

Комп мигнул зеленым огоньком, жалобно пискнул.

– Ну, чо те надо? – спросил я недружелюбно.

Комп просигналил, что он за это время скачал ряд прог, но пропатчить их надо мне, он бы и сам, но не велено сюзереном, то есть мною, потому он, как верный и преданный оруженосец...

Ворча, я раззиповал эти проги и пропатчил, такое компу не доверю, а сейчас качалка по новой пашет вовсю, пять с половиной килобайтов в секунду, это ж рай в сравнении с тем районом, где жил раньше: там и один казался счастьем.

Заглянул в новостные сайты, а тем временем замедлился трафик, это служащие вернулись с обеда и засели за телефоны. К тому же где-то выложили новую версию фотошопа, и мой услужливый дурак сразу же рьяно принялся скачивать ненужный мне апдейт, да еще приоритетно перед другими закачками и докачками, будто я без проапгрейденного фотошопа вот-вот склею ласты.

Сквозь закрытую дверь в мою комнату донесся негромкий звонок во входную дверь. Я не успел подняться, надо еще срочно заскринсйвить, не люблю, когда кто-то смотрит через плечо на экран, это же мое личное, мой дневник, даже больше чем дневник, а в прихожей слышались шаги, после паузы – это батя смотрел в глазок – звякнула цепочка, донесся его радостный голос:

– Здравствуйте, здравствуйте, Нинель!.. Дома он, дома! Сидит за своей лампой накаливания. Убил бы этого Лодыгина. И Яблочкова заодно. Хоть вы его как-то отвлеките...

– Лодыгина?

– Лодыгина уже отвлекли. Теперь бы моего отпрыска...

Дверь в мою комнату отворилась, Нинель вошла красивая и подчеркнуто прямая, яркий тип грузинской княжны: толстая старомодная коса, черные брови вразлет, глаза темные, загадочные, с поволокой, чувственный рот, тонкий аристократический профиль, вся из себя, хотя никогда не скрывает, что приехала из глухого украинского села.

Вообще-то на самом деле Нинель – раскованная умная технарка. Худая, гибкая, развитая в нужных местах и в нужной мере, чтобы не заботиться о фигуре или внешности, а всерьез заниматься своей учебой и компом.

Сейчас с ее плеча свисает большая плоская модная сумка. Можно подумать, что там набор косметики, нормальные женщины таскают с собой целые арсеналы. Отец наверняка тоже так думает, наивный. Ага, щас, дезодоранты и набор противозачаточных средств! Хороший у меня отец, только все еще не выберется из своего устаревшего двадцатого века, века радио Попова, карет и фрейлин.

– Понятно, – сказала она обвиняющим голосом, бросив взгляд на красные огоньки модема, – а я столько тебе звонила!

За ее спиной мелькнуло довольное лицо отца. Он подмигнул мне, отступил и тихонько закрыл дверь. Сейчас уйдет на цыпочках в свою комнату и включит своих дипеплов погромче, а то и вовсе уйдет на прогулку, «чтобы нас не стеснять».

Нинель сбросила сумку на диван, поморщилась.

– Жарко у тебя.

Она взялась за края маечки, вздернула, на миг закрыв лицо, на меня посмотрели ее маленькие крепкие груди с алыми сосками, затем майка полетела в сторону, а Нинель села на стул напротив. Глаза ее смеялись.

– Твой отец уверен, – сообщила она, будто для меня это новость, – что мы сейчас будем совокупляться. Жариться, как говорили в его время.

– А ты откуда знаешь, как говорили?

– Да они и сейчас так говорят. Их жаргон не меняется.

Я пожал плечами.

– Они на нашем месте так и делали. Даже в такую жару.

– Да? Тогда хоть постель примни.

– Зачем?

– Да не люблю старших разочаровывать. Пусть думают, что понимают нас.

Я спросил:

– А ты чего по аське не связалась? Номер забыла? Даже емэйл я получил бы сразу, у меня плачет, когда приходит.

Она копалась в сумке, ответила неразборчиво:

– Я не из дома шла. У меня ушастик сдох.

– Кроль и его сумел?

– Да нет, это я сумела...

– Ого, ты еще страшнее кроля, – согласился я. – Совсем околел?

– Прикидывается, – сказала она сердито. – Характер показывает. Избаловала я его!

Она вытащила наконец своего ушастика – ноутбук, такой я всегда хотел иметь: третий пень, сто двадцать восемь метров ОЗУ, восьмискоростной DVD, хард на шесть гигабайт, экран четырнадцать и одна, а разрешение тысяча двести восемьдесят на тысячу двадцать четыре.

ГЛАВА 4

Всем компам Нинель дает ники. Это чудо назвала зайчиком, а так как зайчик прежде всего уши, то постепенно перешла на ушастика. Как медведя зовут косолапым, топтыгиным, волка – серым, а оленя – рогатым. Комп у нее, в самом деле, капризный, хоть и брендовый, какие-то платы недолюбливают друг друга, при первой же возможности конфликтуют. Я как мог разнимал их, мирил, но, едва Нинель отворачивалась, они снова вцеплялись друг другу в глотки. Не всегда заканчивается зависанием, но, когда начинает тормозить даже в простом ворде, любой сатанеет, если буковки не успевают за твоими пальцами.

Нинель кокетливо выпятила грудь, я засмеялся и полез в конфиг ее ушастика. Такое бывает, стоит посмотреть на клиента, и я уже знаю, где искать сбой.

– Ну, – спросил с интересом, – и что ты здесь делала?

Она надула губки.

– Ты же лазишь!.. Я видела, как ты переименовывал экзэки. А я в одном ридми прочла, что всего-то надо в конфиге вместо опенждиэля поставить тридэ! Я и поставила...

– И не заметила, что нечаянно добавила один пробел. Эх, Нинель! Ну какого черта?

Она сказала сердито:

– Ты-то лазишь! У тебя это быстрее, когда ты пишешь буковками, чем когда выбираешь по пиктограммам.

– Нинель, я совсем старик. Мне двадцать семь! Я застал то дикое время, когда не было даже нортон, представляешь? Команды надо было набирать в ДОС е самому. Надо тебе, скажем, что-то скопировать, вот так прямо и пишешь: «сору» с такого-то места на такое-то!.. Честное слово. А потом Петя Нортон придумал оболочку с готовыми программами. Нужно было найти в столбце команд это слово «сору» и щелкнуть по нему мышкой. Нет, мышек тогда еще не было, курсор надо было подвести клавишами и стукнуть по Enter'у. А потом пришел Windows с его пиктограммами. Понимаешь, первые компы были для тех, кто умеет писать, а вот для пользования следующим поколением программ умение писать стало уже не обязательно! Достаточно уметь читать. Зато теперь не обязательно и умение читать: даже неграмотный поймет картинку и ткнет в нее курсором!

Она слушала меня, склонив голову, как молодой бычок перед тем, как напасть. Конечно, с новейшими программами все меньше необходимости вскрывать жизненно важные файлы и вручную что-то корректировать, да и такое вмешательство все больше чревато, это в трактор можно с ломиком, но не в новейший истребитель...

– Это я неграмотная?

– Нинель, зато ты красивая!

– А ты... а ты... Нет, лучше смолчу. Ты мне еще понадобишься.

Комп перезагрузился, на экране пошел отчет, сколько чего есть и как работает, антивирусная сообщила, что проверено столько, вирусов не обнаружено, но тут же напомнила, что ей восемь месяцев, эти гады появляются все новые и новые, пора обновить, усилить, получить новейшие версии, послать чек по такому-то адресу, а они, в свою очередь, клянутся, что не засыпят спамом, а сам адрес никому не передадут, не продадут, сами не воспользуются...

Наконец высветился новейший бэкграунд на базе скриншота из обещанного третьего варкрафта, табличка пароля. Я не успел отвернуться, как Нинель ткнула в номер 1. Из встроенных динамиков послышалась музыка загружаемого Windows.

Нинель счастливо взвизгнула, погладила край экрана.

– Ну, ошиблась я, ошиблась!.. Но, ушастичек, ты же видишь, что я просто ошиблась!.. Я всего лишь пропустила одну-единственную буковку!.. Или пробел лишний... Ты же это видишь, нельзя же быть таким строгим к женщине!.. А то просто станешь занудой, как Андрей,

а я его терпеть не могу, а вот тебя обожаю. Но как ты мог так ко мне придирчиво? Вон Аверьян вообще «извините» пишет, а то и вовсе «извиняюсь», и то ему прощают, потому что интегралы в уме щелкает!.. А я всего лишь женщина, я тебя люблю, пыль с тебя вытираю, кулер новенький купила, чтобы у тебя никакие платы там не грелись...

Я настраивал свой комп, посматривал краем глаза. Она на полном серьезе обвиняла комп, что он не желает прощать ей некоторые промашки. Впрочем, надо бы сделать утилиту, что если и не исправляет, как, к примеру, в Word'e, слова, то хотя бы подсказывает варианты правильных решений. Если это сделать, Нинель вообще бросится целовать комп, а то и в постель с собой положит.

– Да поможет тебе F1, – сказал я. – Да сохранит тебя F2. Во имя ALTa, SHIFTa и святого DELa, ESC.

– Спасибо, – сказала Нинель. – А ты знаешь, ты все еще в Инете.

– Да. У меня там одна прога качается.

Она изрекла:

– Меньше лазишь в Интернете – здоровее будут дети. Я к тому, что Аверьян хотел позвонить.

– У него есть моя аська, – сообщил я. – А он, в отличие от тебя, дома сидит.

– Я тоже сижу дома, – возмутилась она. – Просто, когда ушастик завис и не вылезал из норки, я спустилась вниз, в нашем доме есть компьютерная мастерская. Они посмотрели и предложили оставить на две недели, посмотрят, найдут неисправность... Представляешь?

– Нет, – ответил я.

– Человека посылают на три веселые буквы, а компьютер – на три веселые клавиши. Вот я их и послала... И на буквы, и на клавиши.

– Ремонт компов, – сказал я, – это тебе не шубу в трусы заправлять! Это я просто знаю, где искать, а так можно сутки вынюхивать.

В прихожей раздался звонок. Я сразу вспомнил про отца, он может и не открыть, чтобы никто нам не помешал, Нинель тоже поняла, хихикнула, схватила маечку и, не надевая, выскочила в прихожую. Я слышал, как хлопнула дверь ванной, зашумела вода в душе. Надеюсь, отец успел заметить, что она проскочила короткий коридорчик полуголая, пусть порадует за успехи сына.

Я вышел из комнаты, из своей выдвинулся отец. Мне показалось, что ему очень хочется подмигнуть, поздравить, наши родители почему-то думают, что «это» обязательно надо проделывать втайне.

За дверью стоял Аверьян, огромный, грузный, лохматый и лохатый. Поклонился отцу:

– Здравствуйте, Михаил Русланович!

– Здравствуй, Аверьян, – ответил отец приветливо.

Аверьян из приличной семьи, отец где-то на государственной службе, мать живет с отцом, на редкость полноценная семья, так что, по мнению отца, я общаюсь с приличными, достойными молодыми людьми. Правда, на всякий случай батя иногда тащит меня в ближайшую сауну, расписывая ее прелести, но я-то вижу, с каким напряженным вниманием он присматривается к моей коже, выискивая следы от укулов!

Пока Аверьян снимал туфли, перебирался в тапочки, шум воды в ванной прекратился. Нинель вышла чистая и благопристойная, в самом деле чуть освежилась в такую жару, приняв душ. Хоть лифчик никогда не носила, но все же не голая. Отец заулыбался, скрылся в своей комнате. Теперь-то друзья точно не дадут его сыну пялиться в экран, глаза портить. Наверное, думает, что я дорос до групповухи, что в его поколении считалось верхом разврата. Наивный, теперь-то и слова такого нет.

Такие же наивные родители у Нинель и Аверьяна. Трахаетесь? Только не курите!.. Заботливые.

На самом же деле мы трое сходимся не только в эту комнату, но вообще в этот мир, как раньше в благополучную и вдоль и поперек изъезженную Англию возвращались путешественники из далекой загадочной Африки, джунглей Амазонки, с островов Тихого океана... Нет, даже как звездолетки, что побывали, пожили в далеких чудесных мирах, а после короткого не то отдыха, не то концлагеря на скучной и пыльной Земле снова уйдут в свои сказочные миры... о которых плоскатики-земляне даже не догадываются!

У меня прекрасный и волшебный мир Мадженты, у Нинель – мир Танурга, страшный и таинственный мир колдовства, могучих правителей и волшебных воинов, у Аверьяна – планета Затерянного Реальма, где в смертельной схватке сошлись три сверхмогучие расы: цунги – народ, что выбрал технологический путь развития, риниссы – эти пошли по биологическому пути и загадочные аборигены, которых считали почти вымершими, но они, оказывается, скрывали свою мощь под покровом магии.

Если я занимаюсь населением целого города, то Аверьян всего одним героем, который в Затерянных Королевствах мечом и точным расчетом побеждает противника, зато Нинель бросает в бой целые армии, а в тылу в real-time спешно роет шахты, плавит золото, медь, олово, выплавляет первую бронзу, открывает процесс плавки железа, начинает строить кузницы, крепости, вводит монетную систему, строит первые катапульты, апгрейдивает их, превращая в мощнейшее оружие, а на море строит могучий флот, где только боевых кораблей сорок видов, не считая транспортных, торговых, рыбацких...

Аверьян плюхнулся на диван, снял и бросил в угол рубашку, что уже взмокла не только под мышками, но и на спине.

– Чертова жара, – сказал он с отвращением. – Вторую неделю...

– Все Билл Гейтс, – поддакнула Нинель. – Все он, гад, виноват.

Она тоже сбросила маечку, приподняла локти, принухиваясь, но, похоже, осталась пока довольна. После холодного душа алые соски торчали как ниппели, а под смуглой загорелой кожей проступали ребра.

– Сбрось и пояс, – посоветовал Аверьян.

– Какой пояс? – удивилась она. – Пояс верности?

– Да нет, вот этот, серый...

– Это не пояс, – огрызнулась она. – Это юбка!

– Любая юбка лучше всего смотрится на спинке стула. А вообще-то ты права, он, гад, во всем виноват! Этот чертов Windows чего стоит? Как в самолете: тошнит, а выйти некуда... Я бы этого Билла Гейтса...

Нинель расхохоталась:

– Что вам так дался этот Билл Гейтс? Кстати, правильно надо произносить: Билл – гей. Тссс!

А Аверьян сказал угрюмо:

– Одному дают пистолет с двумя патронами, ставят Гитлера, Саддама Хусейна и Билла Гейтса. Спрашивают: в кого будешь стрелять? Тот говорит: я бы две пули в Билла Гейтса, а потом подскочил бы к нему и – рукоятью, рукоятью!

Нинель посмотрела на меня внимательно.

– Судя по твоей харе, ты не выходил на улицу дней десять?.. Смотри, передерживать тоже вредно.

– Почему?

– Простыни пачкаются, – ответила она и расхохоталась. – Особенно в такую жару.

Аверьян откликнулся, не поворачиваясь:

– А он в стриппoker играет! Там все мышкой, одна рука свободна.

– Может закрепиться привычка, – сказала Нинель серьезно. – Ты слишком не увлекайся. А то потом, когда понадобится... вдруг да жениться когда-то вздумаешь, твое хозяйство тебя подведет. Давай, пока кофейник закипит, я твоим рефлексам напомним верный путь...

Аверьян наконец умудрился запустить демоверсию «Святогора», там масса фиш, багов, то и дело выскакивает табличка с ехидной надписью еггог, что у него всегда ассоциируется с horror и terror, я сам намучился, ведь Россия – страна не слонов, а козлов, в такой простой игре столько ошибок, пошла заставка, бодряя музыка, тем временем Нинель занялась моими рефлексами. Вообще-то права, с виртуальными женщинами все по-другому, чересчур просто и хорошо, главное – все, что хочешь и как сам хочешь. Перед реальными вообще в мозгу может появиться железобетонный забор... если честно, то уже начал появляться, спасибо Нинель, все понимает, терпеливо и настойчиво сломала, пока цемент не застыл, я наконец начал разогреваться, от позвоночника пошла горячая волна, но тут «Святогор» завис, Аверьян повернулся и стал допытываться, что делать дальше, Нинель, стоя в позе пьющего оленя, не выдержала и захохотала, я отмахнулся, но из компа все равно скрежет, там ржут кони, отвлекают, я кое-как объяснил, снова вернулся к своим древним рефлексам, наконец-то пошло, покатило как с высокой горы, мои пальцы сжали ее узкие бедра, из горла вырвался жаркий выдох.

Я отпустил ее, накинул халат и пошел в ванную. Нинель пошла со мной голенькая. В ванной плеснула на меня ледяной водой, я заорал, она довольно захохотала, я некстати подумал, что отец наверняка тает от счастья, слыша два наших голоса из одной ванной, у него сын нормальный, не гомосек, эстафета поколений продолжается.

Аверьян даже не оглянулся на скрип двери, с наслаждением давил каким-то монстром разбегающихся косоглазых с кривыми саблями.

– Геймплей хреновый, – заявил он. – Интерфейс ни к черту... А что это за разрешение шестьсот сорок? Сейчас уже восемьсот на шестьсот – вчерашний день! Тысяча двадцать четыре на семьсот шестьдесят восемь – норма, а многие уже идут на тысяча двести восемьдесят!

– «Кровавый закат Москвы», – сказала Нинель, – вообще, на тысячу шестьсот, а вообще, может даже две тыщи, если видеокарту с шестьюдесятью четырьмя метрами на борту! Если у кого есть такие крутые тачки.

Аверьян отмахнулся.

– Ну, юсовцы на любые усилия пойдут, только бы нас обосрать. Лучшие силы бросят, но только бы весь мир засел за игру, где Москву бомбят, а русских убивают, как собак, направо и налево. Нет, с этим «Святогором» наши козлы сядут в лужу. Я хоть патриот, но такую игру не куплю. И даже даром не поставлю.

Нинель сказала кровожадно:

– Кого умыть в Анрыле?

Аверьян оглянулся, покачал головой.

– Разве что трусики напялишь. А то это нечестно, я весь из себя такой отвлекаемый-отвлекаемый.

Нинель отмахнулась.

– Жарко... Ладно, живи. Андрий, покажи, как настраиваешь конфиг для джифорса?

– Есть прога, – предложил я. – Удобная. Вчера вышла новая версия.

– Я хочу научиться вручную, – сказала она жалобно. – Ты ж знаешь, я скачиваю новейшие демки, а пока к ним выйдут патчи да проги, это с ума можно сойти!

Я развел руками. У Нинель, как и у меня, простая связь, никакой выделенки, но ей повезло жить в одном доме с провайдерами, связь напрямую, качает с безумной скоростью, в то время как у меня, если дает в секунду пятерку, я уже счастлив.

Аверьян засмеялся.

– Спрашиваю у одного: говорят, ты женился? Да, отвечает. Ну как, говорю, удачно? Да нет, отвечает, не очень. Там коннект всего двадцать восемь, а то и вовсе шестнадцать. Андрей, у тебя есть новые моды третьей кваки? Сразимся?

Я оглянулся на Нинель.

– Я захватил у академика один сценарий. К «Веку Империй». Хоть и классика, но мужик, в самом деле, чудеса делает! Попробуем?

– Ну и что, если старенькое? – возразил Аверьян. – Я сам, бывало, дождусь новой игрушки, бегу на Горбушку, покупаю, мчусь домой, не видя дороги, вламываюсь, инсталлирую, запускаю... а потом, поиграв день-два, забрасываю в дальний ящик и снова вытаскиваю «отжившую и устаревшую «Век Империй».

Нинель плотоядно заулыбалась. В стратегиях она ас из асов. Обожает строить, копать, создавать укрепления, умело распределяет налоги, у нее и государство развивается быстро и без потерь, и армия набирается опыта, работяги добывают железо, куют доспехи, мечи, копья, алебарды, колдуны открывают секреты превращения сырого железа в сталь, снова делают доспехи, крестьяне вовремя подвозят еду, и вот уже ее армия по праву сильного вторгается в наши хреново защищенные земли...

Мы с Аверьяном инстинктивно заключаем молчаливый союз: на первых порах строим укрепления только с ее стороны, друг на друга пока нападать не будем, а то нас обоих быстро к ногтю, она и так ухитряется не только быстро разведать всю карту, но и захватить: куда ни пошлешь разведчика – везде либо рубят лес ее подданные, либо таскают золото из шахт, вот-вот примутся за добычу железа, а тогда нам вообще хана...

Мы играли быстро, молча, сосредоточенно. Я чувствовал, как медленно растет напряжение, воздух в комнате стал еще жарче. Солнце передвинулось, ярко и чересчур мощно бьет в комнату. Я вскочил, попытался задернуть шторы, наверху с лязгом зацепилось, а пока я искал на кухне табуретку и с нее поправил попавшее на стык кольцо, за это время трое моих олухов, не найдя леса, отправились в ближайшую рошу, где затаился лучник Нинель, королевы бретонцев. Быстро и по-деловому он перебил всех троих, а сам снова затаился в ожидании новых лохов, я успел увидеть только три трупа с вязанками дров в руках.

Мы с Аверьяном сидели за моими пнями, а Нинель расположилась на диване. Своего ушастика держит на коленях, мазохистка, он же греет безбожно, сиськи нависают над клавиой, она успевает работать и мышью, и тачпадом, и даже горячими клавишами, глаза горят, щеки покраснелись. Придурка, который на экранах компов видит толькодвигающиеся цветочные пятна, она бы завела, ясно, фигура классная, а когда вот так сидит, видно не только треугольник темных волос на интимном... почему интимном?... месте, ясно проглядывает розовый язычок...

Аверьян зарычал, от его компа донеслись крики, тяжелый грохот катапульта, ржание коней и лязг мечей. Я быстро-быстро послал в ту сторону, пока еще вслепую, два отряда конницы и пятерых берсерков. Нинель точно перебьет там заставу Аверьяна, но и они ее потрепят, так что моим там в самый раз разгуляться и пограбить павших...

Черт, когда же она успела: с обрыва, на который не взобраться, меня начали обстреливать тяжелые башни! До места схватки добрались только трое моих, едва-едва живые. Там их и прикончили.

– Ну, Нинель, – выдохнул Аверьян, – ты и даешь... Стратег! Быть тебе финансовым гением. Да еще и дипломатом, плюс – менеджером.

Она удивилась:

– Зачем мне? Я и так уже королева бретонцев!

Снова из тумана войны донеслись тяжелые удары баллист, ржание коней. Судя по всему, война подбирается к моим границам. Тут уже не до вылазок, приходится думать о своей шкуре.

Аверьян спросил:

- Андрий, как у тебя?
- Отлично, – ответил я.
- А с ресурсами?
- Великолепно.
- Ух ты... Я к тебе телегу послал, продашь мне малость леса?
- Продам, – ответил я, – у меня всего много.
- А рыба есть?
- Есть и рыба.
- И железо?
- Даже с полсотни алебард, – сообщил я.

На самом деле я только-только отрыл шахту по добыче железа, но противнику надо запускать дезу. Аверьян сказал голосом школьного педагога:

– Если у тебя все время отличное настроение, великолепные друзья, сногсшибательная подруга, огромная зарплата, не бывает похмелья и ты никогда не был у дантиста... то остается один выход: скажи «нет» наркотикам!

– Щас, – ответил я. – Разбежался. А вот твой коврик для мыши выполнил недопустимую операцию и будет свернут.

Я видел через оставленную распахнутой дверь, как прошел по коридору отец, горбится, бросил в нашу сторону затравленный взгляд. Хороший мой отец, он привык гордиться перед коллегами, что он такой вот современный, с сыном нет проблем, тот ему доверяет, а сейчас я же вижу, как ему не по себе, что совершенно не понимает наши речи. Как раз Аверьян изрек:

– Если у вас пахнет под мышкой – протрите коврик.

И мы с Нинель рассмеялись. Но отец, как ни будет стараться, подобную логику не поймет. На миг мне стало жалко, очень жалко, но в то же время что я могу? Это я в обороне, а не отец. Я в меньшинстве...

Мои юниты успели построить три казармы, шла срочная вербовка тяжелой конницы. Я воспрянул духом, но в это время через леса и доли к стенам моего дворца отступили остатки моих потрепанных войск. Их гнала и уничтожала тяжелая конница Нинель, а следом тащилось около десятка катапульти. Все тяжелые, огромные, апгрейденные. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: моему дворцу не устоять, а обе казармы вспыхнут после двух-трех выстрелов.

– Сдаюсь, – сказал я. – Нинель, мои поздравления!

Аверьян завопил:

– Ты чего?... Я уже почти выстроил стену!

– Разрушит, – сказал я безнадежно. – Черт, если бы не знал, что на моих компах есть примочки против читинга, я бы сказал... гм...

Нинель обиделась.

– Вы с дуба рухнули?... Какой читинг, когда вожусь с такими младенцами?... Вы как будто не знаете, что я на чемпионате по AoE взяла второе место!.. А съехались монстры со всего света! Это вы без кодов жить не можете!.. Вон Аверьян как игра, так и ползает по всему Интернету, ищет примочки...

Аверьян со злостью нажал на эскэйп. Оглянувшись, сказал раздраженно:

– Какие коды? Классные игры я играю без кодов. Чтобы получить все удовольствие...

Ну, если уж застряну где надолго, то, смиряя самолюбие, спрошу у кого-нибудь подсказку, хинтик. Нет, даже не солишен. Только крохотный хинтик, какой где рычаг надо сдвинуть, чтобы выбраться из зала, где всех гадов перебил, все передвинул, все собрал, а выйти не могу...

Нинель уличила:

– А вчера скачал чит на «Аэрофайт-8»!

Аверьян поморщился:

– При чем здесь классные игры и дурацкий летный симулятор? Там надо задействовать всю клавишу. Да и той не хватает, там три десятка только горячих клавиш! Меня собьют еще на взлете. Да и взлететь не смогу, взорвусь на палубе авианосца. Или сразу торчком, рыбу ловить... Но мне сказали, что самая классная графика именно в «Аэрофайте-8». А что, я зря ставил эту мощнейшую видеокарту?.. Мои рил-таймки ее на полную мощь не пользуют!.. А так я, сделав себе бессмертный и вечный боезапас, думаю только о том, как взлететь. А потом, не обращая внимания на обстрел всяких гадов, летаю себе и любуюсь видами Парижа, Лондона, Дрездена, Ла-Манша... Если какой мерзавец слишком уж мельтешит перед глазами и лупит из всех пушек, то кокну без суеты, чтоб не мешал ронять слюни от в самом деле потрясающей графики. А что делать, если самая лучшая графика в жанрах, которые мне по фигуре: симуляторы, гольфы, квесты... От них, я ж сказал, удовольствия не имею, так на черта мне горбатить столь дорогую мне спину? А с читами я походил, полетал, посмотрел, полюбовался и – снова за настоящие игры!

ГЛАВА 5

Пурпурное объемное солнце опускалось на плоские, как в гарун-аль-рашидовском Багдаде, крыши дальних домов. Нинель глубоко вздохнула, Аверьян сбежал с крыльца бодрый и довольный, будто это он разбил нас обоих наголову, а Нинель взял в рабыни.

Когда вышли на проспект, за нашими спинами западная половина неба медленно наливалась багровым. Впереди высотные дома странно разделились на две половины. Верхние части блистают, как айсберги под солнцем, нижние медленно заливает чернотой. Город на глазах тонет в черноте. Она поднимается снизу, проступая из темной земли, черного асфальта, а вовсе не опускается откуда-то сверху, как я привык читать в книгах.

Нинель на ходу покачивалась и размахивала сумкой, редкие прохожие оглядывались, Нинель отличается редкой и экзотической красотой, сказала весело:

– Признайся, Андрий, если бы не мы, разве бы ты вышел вот так на прогулку? Хорошо иметь друзей!

Аверьян хохотнул:

– Не надо иметь друзей – с друзьями надо дружить.

Нинель поморщилась, шуточка грубовата.

– Эх, Аверьян... Пора тебе все-таки жениться. Может быть, жена из тебя сделает человека.

Аверьян захохотал громче:

– Лучше молоко из холодильника, чем корова на кухне. Но если честно, то в жизни каждого мужчины наступает период, когда чистые носки проще купить. Мне кажется, у меня этот период уже наступил. Но на всякий случай сажу тихо, как говно в траве, а то бабы щас бойкие...

– Но меня все равно проводишь, – заявила Нинель категорически. – Андрий, возвращайся. А то возненавидишь нас! Твоя душа уже прыгает по клавише.

Аверьян хлопнул меня по плечу, Нинель мило улыбнулась, наморщила нос.

Пурпур постепенно перешел в темнобагровость, неспешно проступила половинка луны, а наш дом-башня, темнеющий на фоне, тоже часть неба: окна крохотные, а свет подобен сиянию звезд, что уже вспыхивают справа и слева.

Наша квартира на самом верху башни. При размене старой квартиры с дедом и бабушкой остался только такой вариант, подешевле, верхних этажей здешние существа побаиваются из-за возможных протечек и воров с крыши, но мне нравится смотреть с постели в окно и видеть только небо, а не деревья или дом напротив.

Окна уже слабо светятся холодноватым светом, это отец погрузился в кресло перед телевизором. Там один канал почему-то называется «Культура», отец смотрит его упорно, хотя там такая же лабуда, как и везде, даже порнуха после полуночи, но отец и ее считает частью современной культуры, так как в молодости воевал за сексуальные свободы и почти-почти был диссидентом. Половым диссидентом.

Отец, мелькнула невеселая мысль, добрый мой отец... Он, как и мать, бабушка и дед, как их друзья и знакомые, не может понять, как это я всматриваюсь в экран, где что-то мельтешит, мелькает...

У дедушки живет хороший добрый пес Гриша, они с дедом одинаково радуются моему приходу, но оба с одинаковым недоумением смотрят, когда я сажусь за комп и не отвожу глаз от монитора.

По спине пробежал холодок. А если дед, в самом деле, видит на экране только эти пятна? И только при известном усилии вычленяет фигурки людей? А вот Гриша так и вовсе не различает, для него на экране всего лишь смена светлых пятен.

Собаки, кстати, не видят кино, не различают фотографии. Не видят картин, там слишком много условности. Собаки и близкие им по интеллекту люди видят и понимают только конкретное, а чтобы узреть нечто после росчерков пера по бумаге – нужно нечто особое, собственное только человеку. Фантазия или как ни назови, но без нее не узреть изображения в нагромождении пятен масляной краски на холсте, не рассмотретьдвигающийся поезд на белом квадрате стены... не увидеть на экране монитора бегающих человечков.

Ну ладно, мои предки их тоже видят. Но не понимают, как можно на ТАКОЕ смотреть внимательно. Ведь это блажь, даже не искусство! Ага, зато для них высокое искусство – фотография, картина, кино или даже сложенная из трех опавших листочков, мать ее, икебана!

Я толкнул железную дверь, она рухнула с неприятным скрежетом, и я вышел на поверхность незнакомой планеты на другом конце Галактики. За спиной разбитый вдребезг корабль, неудачная посадка, а впереди сказочный город миллионолетней цивилизации, исполинские блистающие дома, красное небо и странные птицы размером с каравеллы Колумба!

Вместо страха я чувствовал гордость, все-таки достиг, и еще в душе уверенность, что и в этом мире не пропаду, все смогу и все узнаю, а на Землю вернусь с победой...

Я замедлил шаг, мои сапоги космолетчика с магнитными подковками остановились на борке тротуара. Рядом железный столб с тремя разноцветными огнями, а через темную дорогу пролегла широкая крупная зебра. Крупные блестящие жуки несутся по монолитной ленте шоссе почти бесшумно, ног не видно, только эти четыре ряда железных тел... Фонари с обеих сторон улицы расцветивают блестками металлические спины, все цветное, яркое, но я уже смотрел только на железный скворечник на той стороне. Сейчас оттуда на меня люто смотрит налитый злобой красный глаз Темного Властелина, но вот-вот мигнет, сменится зеленым...

Я ощутил, что сейчас будет красный, ибо вся лавина одновременно начала замедлять ход, эти железные жуки видят еще и промежуточный свет, желтый, но две машины, напротив, ускорили бег, на скорости пролетели зебру. Одна унеслась, довольная, что успела, хоть и с минимальным нарушением, а вторая вдруг взвизгнула тормозами, остановилась, круто вильнув к борке.

У светофора к этому времени собралось человек семь, все разом качнулись вперед, только я замешкался, герою-космолетчику, рыцарю и певцу Забытых Реальмов спешить некуда, он всегда успевает, а через дорогу гадко бежать с выпученными от страха глазами, герою это не к лицу...

Но едва шагнул, сзади ухватили сильные руки. Я не успел повернуть голову, меня подняли, я попал в руки киборгов. Подошвы мои ударились об асфальт. Два мощных мужика, такими изображают спецназовцев, но наш спецназ о добротных дорогах костюмах может только мечтать...

Мужчина с острым лицом, глаза как у коршуна, заостренные скулы, зрачки крохотные, держал меня взглядом крепче, чем второй горилла сжимал мне плечи. Правую скулу пересекает косой шрам, второй шрам, поменьше, оставил след на подбородке.

– Парень, – сказал остроглазый строго, – тебя твой знакомый приглашает вон в ту машину.

У борки рассыпал солнечные зайчики мерседес. Блестящий, сверкающий, последней марки, с широкими шинами, что удержат на самых крутых поворотах.

Сердце мое учащенно колотилось. В Москве ежедневно исчезают бесследно десятки людей. Найдут ли мой труп?

Я затравленно огляделся.

– Не помню знакомых с такими машинами...

– Верю, – сказал мужчина. – Но если такие люди приглашают... понимаешь?

Меня начала бить дрожь. Челюсти лязгнули, я едва выдавил:

– Понимаю... Но все равно вы меня с кем-то путаете.

В России могут убить прямо на улице среди бела дня, буду лежать, истекая кровью, с вывалившимися кишками, а народ будет мчаться на зеленый свет, переступая или торопливо обходя, и очень-очень не скоро какая-нибудь сердобольная пенсионерка, которой спешить некуда, позвонит в милицию. Да и то лишь та пенсионерка, которая с чашкой чая подойдет к окну дома напротив, увидит...

Спецназовец со шрамом зашел с одной стороны, открыл дверь заднего сиденья. Я не успел глазом мигнуть, как он вошел в мерс одним неуловимым движением, словно его втянуло, зато другой открыл передо мной дверь, поддержал меня за локоть... если бы я попытался вырваться, то остался бы без локтя, и тут же влез следом. Меня зажал между двумя массивными телами, раздутыми от мускулов и твердыми, как колоды для разделки мяса.

Водитель крутанул руль, машина быстро набрала скорость. Человек, который сидел рядом с шофером, с натугой повернулся ко мне.

– Привет, программист, – сказал он. – Не узнал?

Он дружелюбно улыбался, но у меня в желудке стало еще холоднее.

Это было на заре перестройки. Не помню, то ли советская власть уже рухнула, то ли еще нет, некоторые считают, что она и сейчас все еще держится, но уже создавались фирмы... нет, пока только кооперативы, но в воздухе веяло переменами посерьезнее.

Я тогда зашел к моему приятелю, он работал в «ящике», с некоторых пор его отдел рассекретили, я стал пропадать там с утра до вечера, так как у них самые мощные ЭВМ, так у нас тогда назывались компьютеры, то есть электронно-вычислительные машины.

Как-то, пока я сидел и с великим наслаждением копался в программе, он зашел злой, расстроенный, сказал:

– Сволочи!.. Приехало высокое начальство, а у нас как раз сбой. Ну, как объяснить придуркам, что дело новое, что это не телевизоры настраивать, не стиральные машины для их баб!

Он прервал себя на полуслове, ибо дверь распахнулась, вошел крупный человек, сразу уставился на меня злыми глазами:

– А этот чего здесь?.. Играет?.. Ах, мать вашу... Мало вас стреляли... Мигом в зал!!!

Приятель побелел, рот открылся и закрылся, сейчас как раз время признаться, что пустил посидеть за компом друга со стороны: вылетит не только с работы, но вообще зарплату не дадут, а то и вычтут...

Я молча поднялся, в большом зале, где стояли и огромные ламповые ЭВМ, и уже современные компы, люди в синих халатах сустились, бегали от одного компа к другому, а руководство ящичного института подобострастно толпилось перед моложавым мужиком с суровым раздраженным лицом, с ног до головы похожим на отставного военного.

Потихоньку я пробрался к свободному компу, вошел в базу, порылся в дистрибутивах, отыскал кое-что из драйверов, а когда удалось пробраться к тому, который завис, я с дискеты запустил снова... и комп очнулся, экран засветился невинным голубым светом: что, мол, у вас тут что-то случилось?

Наступила тишина. Ко мне подбежал мужик, я в нем узнал директора, взгляделся в меня ошалелыми глазами, в них метнулось сперва бешенство, а уж потом сменилось облегчением, и я подумал, что хоть приятелю и выпишут премию, что вовремя пустил меня посидеть за клавишей, но потом снова введут пропускной режим.

А за спиной раздался голос:

– Этот исправил, что ли?

Говорил тот самый, который кадровый отставник. Директор сказал подобострастно:

– Этот, этот!.. Хороший... работник.

Военный оглядел меня с головы до ног:

– Гм... а почему не в халате?

– В стирке, – сказал я первое, что пришло в голову.

– Ах, в стирке, – протянул военный.

Он быстро оглядел замершее руководство института и, похоже, что-то понял. Но лишь усмехнулся, пошел вдоль ряда уже работающих машин. Приятель ухватил меня за руку, я дал себя утащить обратно в его каморку.

Друга трясло, пальцы прыгали, не попадая по кнопкам. Наконец в изнеможении откинулся на спинку кресла.

– Не могу!.. Сегодня я больше не работник. Всего трясет... да не от страха, от злости! Ходят всякие с выправкой, командуют, орут!.. Только и гляди, к стенке поставят. Сволочи... Скорее бы эти демократические реформы, ох скорее бы... Тогда бы мы их, всех этих коммунистов, кагэбистов, парторгов, комиссаров...

В тот день я снова столкнулся с этим военным, когда, скопировав себе на дискету пару важных драйверов, вышел из института. В десятке шагов у бровки стояла волга с включенной мигалкой. Шофер уже распахнул дверку, ждал, а военному все не давали сесть директор института и его заместитель, что-то доказывали, размахивали белыми пальчиками.

Я сразу ощутил, как взгляд военного упал на меня. Ощущение было таким, словно потянуло холодным ветерком. Я повернул и пошел было в другую сторону, но в спину хлестнул нетерпеливый оклик:

– Эй, лохматый! А поди-ка сюда...

Я, конечно, мог и дальше уйти своей дорогой, но подумал, что подставляю директора института, а с ним и моего друга, ведь сейчас мы все делаем вид, что я сотрудник этого уже рассекреченного ящика.

Директор и остальные его люди замолчали, напряглись. Военный окинул меня острым и цепким взглядом, спросил неожиданно:

– Ладно, дело прошлое, скажи, как ты определил?

Я усмехнулся, ответил:

– Да просто повезло.

– Не брешь, – сказал он доверительно. – Ты мне скажи, я все равно в ваших программистских штуках ничего не понимаю. Но что-то с тобой не то. И халата не носишь... Ты на каком-то особом положении?

Я поколебался, ответил:

– Все-таки больше везенья, чем... Словом, тут несколько суток мукохались, это я знал. Когда зашел, все потные, устатые, с красными глазами. А мне со стороны сразу видно, что тот, который самый толстый, сразу начал орать, что железо не тянет, кровать барахлит, видеокарта с акселерашкой конфликтует, а тот, который сухой, как вобла, сразу полез искать ошибки в БИОС е. Еще двое инженериков с выправкой, те перебирали звено за звеном всю цепь в ассемблере... А это им хватило бы на полгода работы, если бы в сутках было по семьдесят часов. Эти с выправкой все такие... предсказуемые.

Он внимательно следил за моим лицом, кивнул:

– Да, что-то я такое от них слышал. Думал, что они ругаются по-китайски.

– Почему по-китайски? – удивился я.

– Да мода на китайцев, всякие кунг-фу и сунь-ху... И почему ты полез в драйвера?

– А там, судя по всему, никто не искал, – признался я. – Раз уж почти все перебрали и не нашли, значит, дело не в железе, не в глюках и конфликтах плат. Я сунулся в драйвера и... дальше сами знаете.

Он кивнул.

– Ты молодец, всем утер нос. Нет, это не везение.

– Везение, – возразил я, чувствуя некоторый холодок опасности. – Сбой мог быть еще из-за десятка причин! Я ведь отсек далеко не все.

– Но из десятка оставшихся, – сказал он, – ты все же с ходу выбрал ту, которая и подвела. Нет, что ни говори о везенье, но чутье у тебя есть, есть!.. Как у меня на людей, так у тебя – на умное железо.

Он хвалил, но у меня почему-то остался неприятный осадок. И несколько дней этот голос и прищуренные глаза преследовали, тревожили, не давали сосредоточиться.

Потом, конечно, забылось. До сегодняшнего дня.

Он все еще улыбался.

– Вспомнил?.. Хорошо. Чем зарабатываешь на жизнь?

– Да все тем же, – ответил я, таким людям отвечать обязательно. – Раньше ремонтировал телевизоры, потом – видеки, теперь – компы.

– Где-то работаешь?

– Нет, – ответил я честно. – Свободный художник.

Спецназовец, что от меня справа, коротко хохотнул:

– Налоги платить не хочет.

Второй холодно молчал, я инстинктивно чувствовал от него наибольшую опасность. Тело его было как из дерева, я старался смотреть только вперед, но видел хищное лицо с ястребиным носом, шрам на щеке, выпуклые серые глаза. Почему-то принято считать, что такое лицо обычно у профессионального убийцы. И еще я чувствовал, что этому человеку я очень не нравлюсь.

Их шеф сдержанно улыбнулся.

– А кто их платить торопится? Ладно, а в свободное время чем занимаешься?

– У меня не бывает свободного, – ответил я честно.

– Ого! Почему?

– Мне нравится моя работа, – ответил я. – Для меня комп – это и работа, и удовольствие.

Он сказал иронически:

– И эти... как их, игрушки!

Я не люблю, когда со мной так разговаривают, будь это хоть крутой мафиози, хоть папа римский. Ответил сдержанно, поневоле ответишь, когда такие лбы по бокам, но так, чтобы все ощутили мою позицию:

– Да, конечно, в казино с бабами куда умнее.

Бодигард, который слева, довольно ржанул, второй холодно промолчал, а военный сказал понимающе:

– Значит, играешь...

– Играю, – согласился я. – Много и часто.

Он чему-то улыбнулся, сказал водителю:

– Сережа, подгони к «Трем львам». У нас еще полчаса до встречи.

Машина неслась бесшумно, водитель рискованно играл в шахматку, но соседние машины чувствовали опасность со стороны этого мерса с затемненными стеклами, шарахались, уступая дорогу, я невольно начал чувствовать удовольствие от поездки, даже несмотря на свое положение полугостя-полупленника.

Впереди лента моста, как широкое длинное лезвие рыцарского меча, уходила блестящей полосой вдаль, изгибалась под своей тяжестью, вминалась острым краем там далеко в землю, а по самому мосту стремительно несутся эти громадные металлические жуки, мехи, киборги, панцирники...

Шоссе ушло под мост, а дальше во всей потрясающей красоте поднимается эстакада, многоуровневая развязка. Мы неслись с большой скоростью, явно пройдем внизу под эстакадой, ее растопыренные лапы похожи на лапы космического богомола. Они все приближались, росли, шоссе уходило чуточку вниз, раскоряченные лапы стоят по обе стороны широкой

асфальтовой полосы, по которой в ряд проскакивают шесть автомобилей, дальше еще лапы, еще и еще, а сверху над лапами полосатое нескончаемое брюшко этого звездного богомола...

Машина сделала крутой поворот, гравитация старалась прижать к борту, всю массу крови и жидкости силой инерции бросило в ту сторону.

Город освещен неплохо, все-таки Москва не Харьков, но в сравнении с этой частью – остальная Москва тонет во тьме. Здесь блистающий свет, оранжево-солнечный и пурпурно-красный – от реклам во всю стену, вывесок в сотни лампочек, светящихся гирлянд, декоративных фонарей под старину, но светящихся как прожекторы.

Вместо асфальта ювелирно подогнанные гранитные плиты, широкие, как будто из Баальбека, народ прохаживается благодушный, сытый, довольный, очень вежливый, никто не топырит пальцы. Правда, прохаживаются – это так, к слову, чаще просто выходят из ресторана или казино, подходят к сверкающей машине с затемненными стеклами, оттуда выскакивает водила и услужливо распаивает дверь.

Но зато хлопает дверь в другом месте... наши ребята никак не отвыкнули от привычки, вылезая из машины, с размаха бросать двери мерсов: в отечественных моделях дверь иначе не закроешь – выходят другие элегантные мужчины и женщины, навстречу спешат личности в темных костюмах, услужливо и с поклонами ведут к уже распахнутым дверям.

Наш шофер припарковался прямо перед входом. Справа и слева от меня разом стало пусто, мужчины вышли синхронно и с такой ловкостью, словно просочились сквозь стены в режиме *slip*.

Военный сказал мне, не поворачивая головы:

– Пойдем, хакер.

Честно, в ресторане я не был за всю жизнь ни разу. Достаточно и того, что вижу в кино или по ящику. Не с моими деньгами платить за кусок мяса по сто лягушачьих шкурок, если могу точно такой же съесть за одну. Не то чтобы я такой уж и нищий, но лучше за эти бабки куплю новую маму или поправлю кроватку, а то даже выцганю легендарный джифорс, чем вот так нелепо, как дореволюционный купчик...

В огромном помещении гремит музыка, за столами натужно веселятся существа обоих полов. Двое наших ботов уже отыскивали свободный стол... или согнали кого-то, метрдотель явился сразу, лично, красивый и величественный, как Потемкин-Таврический, склонил голову в поклоне, преисполненном достоинства.

Военный сказал властно:

– У нас мало времени. Потому мне – антрекот из амнуэля, бокал шампанского... и чашку кофе. А моему другу – всего и побольше.

Я запротестовал:

– Да не голодный я, не голодный!

Он показал в улыбке ровные белые зубы, но что-то мне подсказало, что зубы, несмотря на их безукоризненность, все-таки его собственные.

– Да ладно, это я им просто заработать даю. Знаешь, во сколько здесь обходится одна только аренда?... Итак, меня зовут Конон Илья Юрьевич.

– Андрий, – назвался я.

– Итак, Андрий, – сказал он напористо, а я невольно отметил, что он сразу принял мое «Андрий» как должное, не назвал Андреем, не переспросил, что за дурацкое имя, – ты с техникой дружишь. И она с тобой дружит. Я тогда сразу же навел о тебе справки, хотел пригласить к себе... но сам понимаешь, какая свистопляска началась! Эти дерьмократы... Ты, кстати, как к демократам?

Я понимал, как к демократам относятся люди с такой выправкой и такими уверенными голосами, надо бы в целях самосохранения поддакнуть и назвать их гадами, но кривить душой всегда противно, я ответил честно:

– Должен бы хорошо. Так говорят отовсюду. Но на самом деле мне политика по фигу. Всякая.

Один из бодигардов, крепкий мужчина, весь широкий, с круглым скуластым лицом, кивнул, соглашаясь, а второй, который с ястребиным носом, нахмурился. Я чувствовал, что, будь это в его власти, он уже раздавил бы меня, как насекомое.

Этот Конон кивнул, по его лицу я прочесть ничего не мог, но, похоже, мой ответ чем-то понравился. Двое официантов примчались, едва ли не бегом, моментально перегрузили на стол с десятков тарелок с горками жареного мяса, каких-то рачков, червей, улиток, все это тонуло в зелени.

Один наклонился и произнес заговорщицки:

– Вон там за столом очень красивые девушки... Они могут пересесть к вам.

Конон отмахнулся, а мне сказал:

– Ешь. И не смотри так. Это не расточительство. Для меня не расточительство. Итак, прошло за это время лет пять, да?

– Десять, – уточнил я. – Десять лет.

Он удивился:

– Десять?.. Черт, как время летит! Пока был молодым, ползло, как черепаха, а теперь летит быстрее стрижа... Ничего, теперь как раз начнем горбачевское ускорение. Языками какими-нибудь владеешь?

– Конечно, – удивился я. – А что, есть люди, которые ими не владеют?

Он засмеялся.

– Я не имел в виду сленговый, матовый и бюрократический...

– Я тоже, – ответил я. – Я владею ассемблером, паскалем, си, явой, борландом...

Он слушал-слушал, потом потряс головой:

– Еле врубился, что это не мат, а языки, на которых теперь мир держится. Ты прав, на хрен тебе допотопный аглицкий или японский? А раз читаешь документацию на английском, то этого хватает.

Я посмотрел на него с сожалением.

– Да кто ж эту лабуду читает? Все и так понятно.

Он мгновение изучал меня, как будто держал в пальцах под ярким светом настольной лампы, сказал чуть потеплевшим голосом:

– Да, это в тебе есть... Я уже говорил, у тебя глаз на железо, у меня – на людей. Я предлагаю работу.

Я сказал как можно тверже:

– Спасибо, я своей доволен.

Он покачал головой.

– Не смейся. Как можешь быть доволен такой жизнью? В тебе сил столько, что если запрячь, как Змея, то вспашешь землю отсюда и до океана!.. Новые Змиевы Валы проложим, а ты довольствуешься мелким заработком. Что ты имеешь взамен?

– Свободу, – ответил я. – Это немало.

Его глаза смотрели в меня пристально. Я чувствовал, как он прощупывает каждую мою извилину, трогает сердце, берет на ладонь и взвешивает почки и печень.

– Бреешь, – определил он. – Ну ладно, настаивать не буду. Просто думаю, что ты тайком... или не тайком работаешь над какой-то программой. Которая перевернет мир и сразу сделает тебя толстым и богатым. Нет-нет, я не спрашиваю!.. Пусть это остается твоей тайной. Просто, Андрей, ты мне тогда понравился. И как работал, и как держался, и что брякал в

ответ на умные вопросы. Я ж говорю, у меня есть на людей чутье. Если решишься перебраться под мое крыло, у тебя будет не только хорошая зарплата... ты и так, наверное, зарабатываешь неплохо, но это ведь не главное, верно?... При желании я могу купить те компы, которые еще не скоро поступят в продажу. Если честно, то у меня есть такое желание, только руки не доходят. Вернее, времени на все не хватает. На других фронтах я преуспел, а здесь сильно отстал. Правда, у меня есть программист... был. Хороший парень, но пришлось уволить. Так что ты попался вовремя.

С эстрады спустился толстенький музыкант, по-бабьи длинные волосы сзади перехвачены голубой ленточкой. Я не видел, когда он обошел столы, но вдруг появился справа от Конона, шепнул льстиво:

– Босс, наша певица очень жаждет с вами познакомиться...

Конон отмахнулся:

– Некогда, некогда.

Музыка здесь грохотала не то чтобы с силой камнепада, но что-то в теле отзывалось, подмывало на дикие бесшабашные поступки, на чисто нашенское: а, пропади оно все, будь что будет, авось не пропадем, не сидеть же сиднем...

Бот, который с широким лицом, поглядывал по сторонам, замечал красивых женщин, в этих случаях грудь у него становилась шире, лицо значительнее, зато второй, с ястребиным носом, успевал и слушать нас внимательно, хотя тоже успевал замечать все вокруг. К нам еще дважды подходили официанты и заговорщицки сообщали, что вот те красивые молодые женщины могли бы подсесть к нашему столу, но коршуноносый всякий раз отстранял брезгливым жестом.

В дверях появился шофер, поднял горизонтально руку и постучал пальцем другой по циферблату. Конон вытер пальцы салфеткой, скомкал и бросил на стол. Я посмотрел, как он поднимается, даже не заплатив, метрдотель это видит, но ни звука. Я тоже встал, вышли вместе.

Ночь, в мокром асфальте, как в зеркале, отражается весь город, за время ужина поливалка прошла раза три, не меньше, воздух все еще свежий, влажный, почти тропический.

Конон уходил, с ним уходил и шанс как-то изменить жизнь. И тогда я спросил, бросаясь в неведомое, как в прорубь:

– А что я должен у вас делать?

ГЛАВА 6

За широким окном, непривычно высоким и широким, искряще-синее море. С астрономической неспешностью проплывает снежно-белая, чуть подсвеченная снизу оранжевым, пышная облачная гора. Хорошо видно каждый выступ, но вообще-то гора слишком сказочная, неземная, в этот плоский мир она приплыла из моего Забытого Королевства, слишком чистая и хрустящая, а здесь ее быстро превратят в тяжелую грязную тучу...

За другим окном тоже небо и облака, как и за третьим, которое на кухне. Облака наравне с моей семнадцатизэтажной башней, каждое утро мое сердце просыпается радостно и в ожидании чуда. Насточертели узкие крохотные окна-бойницы замков, приземистые здания дворцов, когда не просто прижат к земле, а буквально размазан по ней, как житель двумерного мира.

Здесь прозрачный хрустящий воздух, без всякой примеси дорожной пыли, коровьих лепешек, помоев и мусора, невыделанной кожи, конского пота, отработанных паров бензина, свежеуложенного асфальта. Здесь воздухом можно упиться и опьянеть, в то время как там, внизу, вместо воздуха сухая ядовитая смесь, брань смердов и простолюдинов, текущие в канаве помои...

Я выпрыгнул из постели, только теперь видны плоские крыши домов. Из верхних этажей дома напротив, к примеру, видят меня, но только до пояса, а там пусть дают волю фантазии.

Вспомнил вчерашний разговор, но, когда завтракал и пил кофе, помалкивал. Отец за столом напротив шуршит газетой, в последнее время он болезненно пристально следит и за политикой.

На полочке звякнул телефон. Отец снял трубку, я видел, как наморщил лоб, потом глаза его с таким усилием поднялись поверх газеты, словно он выжимал тыщу на разогнанном Celeron'е без кулера. Отыскали меня.

– Тебя.

Я взял трубку:

– Алло?

– Андрей? – послышался сильный уверенный голос. – Это от Конона. Машина у подъезда.

Я пробормотал, чувствуя себя довольно глупо:

– Сейчас спущусь.

Отец выждал, пока положу трубку, поинтересовался печально:

– Новые друзья?

– Да нет, – ответил я как можно небрежнее. – Это шофер. Ждет у подъезда.

– Такой же длинноволосый? – спросил он с горькой усмешкой, хотя я никогда не был длинноволосым. – Шофер – это разносчик наркоты? Я слышать, что «отъехать» – это впасть в кому от передозировки.

– А не въехать, – отпарировал я, – это не врубиться, если по-старому.

Он аккуратно сложил газету, выпрямился. Красиво и печально всмотрелся в меня, у меня красивый отец, это я черт-те что, потом замедленно поднялся и вышел на балкон. Через пару минут я услышал его голос:

– Там три машины. Это запор или жигуляшка?

Я промолчал, обулся и поскорее вышел. Лифт долго не вызывался, я нервничал, не люблю заставлять себя ждать, привык, что в Интернете каждая минута стоит деньги, а халявный допуск на днях оборвался, в универе снова сменили пароль.

У подъезда, в самом деле, три машины. Я остановился на крыльце в нерешительности. Из третьей вышел крепкий моложавый мужчина, тот самый, что был у Конона вчера за шофера, на вид лет сорок.

Он распахнул дверцу и уставился на меня с вопросительным видом. Машина с эмблемой мерса, наверное, и есть мерс.

Я подошел, сказал:

– Меня зовут Андрий. Не Андрей, а Андрий.

– А меня Сергей, – ответил он дружелюбно. – Андрий? Жаль, Андрей лучше.

– Чем?

Он удивился:

– Как это чем? Я бы говорил: Андрей, держи хвост бодрей – коров ведут. А так пока придумаешь что-то новое... На заднее сиденье или на переднее?

– На переднее, – ответил я.

– Хорошо, – одобрил он. – Конон тоже предпочитает переднее. Когда без баб, есно. Но ремень все-таки застегни, застегни! Теперь штрафуют.

Когда мы отъезжали от подъезда, я едва не вывихнул шею, пытаюсь увидеть наш балкон. Увидел ли отец, в какую крутейшую тачку я сел?

Сергей лихо и на скорости выкатил со двора, погнал машину, явно нарушая скоростной режим. Постарше меня лет на пятнадцать, но с таким запасом оптимизма подобные ржущие жеребцы до глубокой старости остаются Сережами. От них много не ждут, да они и сами всегда довольны своей жизнью, положением.

Он сидел расслабленно, машиной словно бы не управлял даже, сама набирает скорость, перестраивается, а когда встретилась небольшая пробка, этот Сережа без раздумий вырулил на тротуар, промчался, пугая прохожих, миновал место затора, а там снова съехал прямо через бордюр, словно у него не низкосидящий мерс, а всепроходный джип.

– А чо у тебя голова такая? – спросил он вдруг очень серьезно.

– А что в ней не так? – удивился я. Потрогал макушку. – Вроде бы еще не квадратная...

– Даже не лысая, что дивно! И формой, как у людёв... Мне Конон велел привезти яйцо-голового, а у тебя голова почти как у человека. Только вот ухи...

– Да какой я яйцоголовый, – ответил я. – Обыкновенный безработный инженеришко.

Машина поворачивала, накручивала спираль, все на огромной скорости, я чувствовал ликование, этот Сергей как-то угадывает смену светофоров, идет на большой скорости, ГАИ, к счастью, не видать, асфальт как бархатный, машина идет будто по ковру.

Машина выскочила на Кутузовский. Здесь шоссе добротное, солидное. Не бархатное, как на современных эстакадах, а именно добротное. И дома по обе стороны улицы, не дома, а слоны. Огромные слоны, что как шли на водопой, приняв за реку блестящую после поливочных машин ленту шоссе, так и остановились: массивные, солидные, грузные.

Затем дорога сузилась, пошла петлять, асфальт в выбоинах, зато по обе стороны показались деревья, выросли в размерах, метнулись навстречу, но трусили столкнуться с железным авто, побежали по сторонам дороги. Да не просто деревья, а густой дремучий лес. Это не какая-то зачуханная Европа, где ни одного дерева, которое само по себе, а не посажено по плану, здесь прямо под Москвой не только дремучие леса, но и вообще места, куда не ступала нога человека.

Деревья бегут по обе стороны ровные, корабельная роща на корабельной роще, даже внутри машины запах хвои, листьев, мха и близость грунтовых вод. Не потому, что в самом деле близко, просто каждый ствол – гигантский насос, что безостановочно тянет из глубин холодную воду – чем холоднее, тем лучше! – прогоняет по стволам, спасая деревья от перегрева, и сбрасывает с листьев, то есть потеет.

Еще поворот, еще, этот Сергей нарезает петли, как автогонщик. Я не спец по машинам, но чувствую, что здесь и мотор усиленный, и тормоза еще те, да и колеса не зря такие широкие, эти уж если схватили дорогу, то их хватку, как у питбуля, ломиком не расцепишь...

Наконец дорога выровнялась, шире не стала, зато асфальт пошел удивительно ровный, по такому же мы гнали час назад на новенькой эстакаде. Показались ворота, в обе стороны тянулся забор, добротный, высокий, из хорошо прокованных чугунных прутьев.

Сергей остановил машину. Из малозаметной будочки вышел квадратный парень в пятином комбинезоне, сейчас даже старые бабки ходят в таких, а еще президенты обожают в таких униформах фотографироваться и позировать перед телезрителями.

– Антошка, чо так долго? – спросил Сергей насмешливо. – Сказано же: семь раз отпей – один раз отлей!

Парень, которого Сергей назвал Антошкой, посмотрел недружелюбно:

– Это у тебя такие шуточки, придурок?.. Другого ничего предположить не мог?

Сергей хлопнул себя по лбу, сделал понимающее лицо.

– Ах да, прости, прости... Как жаль, верно, что место клизмы изменить нельзя?

Парень зарычал, явно не так быстр в шуточках, но, судя по его движениям, я догадывался, что в схватке достаточно быстр, а удары молотом в лоб умеет держать лучше, чем уколы булавкой в задницу.

Он заглянул в машину, я ощутил холодный взгляд его рыбьих ничего не выражающих глаз, потом он вернулся, створки ворот поехали в стороны.

Дальше дорога пошла торжественно-чистая, Сергей довольно похохатывал, я молчал, поглядывал искоса на него, очень вроде бы не похожего на меня, однако...

Остроумие, мелькнула суматошная мысль, – это всего лишь острый язык, а вовсе не ум, а в наш век информации так и вовсе просто емкий хард в черепе. А то, что ныне сходит за остроумие, – всего лишь быстро работающая поисковая машина подобно Rambler'у или Apport'у. Но это заемное остроумие намного заметнее, чем ум, и вот уже остроты сыплются со всех сторон, каждый тинейджер украшает свою речь шуточками, приколами, хохмочками... Я сам украшаю, чтоб не выглядеть слишком занудным, и этот бот за рулем тоже украшает, и все-все украшают, от президента страны до самого сопливого первоклассника... так размываются грани между умным и придурком, богатым и бедным, старым и молодым – демократия, мать ее! Весь мир становится одинаково ироничным, а мы все вот это... старательно принимаем за ум. Вроде бы мы сами умные, с умными общаемся, умные вокруг нас мельтешат туды-сюды, туды-сюды.

По обе стороны ухоженный газон, а деревья все как будто перенесены с картин допотопных рисовальщиков: огромные и толстые, с красиво изогнутыми ветвями, с наплывами на потрескавшейся коричневой коже, широкие, а под сенью ветвей... что такое сень?.. поместится целая рота. Или барин со слугами, наложницами и прочими баядерками.

За редкими деревьями показался замок. Сергей вел машину уже медленно, осматривался. Деревья уходили в стороны, замок приближался, это оказался хоть и не замок, но особнячок, который средний герцог счел бы неплохим замком. Три этажа, а сверху еще и мезонины, если это мезонины. Словом, всякая надстроечная лабуда, башенки, фиговинки, навороты, а под таким особнячком-замком наверняка еще и подземные гаражи, сауны и прочие штуки уходящего века. Единственное, что меня заинтересовало, так это параболическая антенна класса хай-энд-зэкс на крыше. Это не только прием телепередач, но и всякие другие возможности, о которых пока только мечтаю с отвисшими до пола слюнями, не поскользнуться бы...

Слева от дорожки за кустами мерными толчками вздымаются серебряные струи. Машина двигается бесшумно, я опустил стекло, слушал журчание. Кусты расступились, струи бьют вокруг скульптурной группы, где Геракл разрывает пасть писающему мальчику. В воздухе пахнет свежестью, будто совсем-совсем рядом море, альбатросы и люди Флинта песенку поют.

В сотне шагов слева от дороги маленький пруд. Камни у самой воды блестят, как огромные яйца динозавров. На той стороне пруда столы под огромным раскидистым дубом. Наверное, дубом, я в вегетатике не силен, для меня есть только сосна, ель и береза, а все остальное –

дубы. За столами люди, судя по манерам – NPC’ы, я рассмотрел белоснежные скамьи с резными спинками, настолько ажурные, словно вырезаны из слоновой кости.

Деревья остановились. Машина перестала покачиваться, а птичьи трели стали громче и чище, словно с саунд бластера переключились на три-дэ долби. Сергей указал в окно:

– Вон к тому дереву... Конон в синей рубашке. Сейчас вон швырнул мяч и снова к шашлычкам, видишь?

– Найду, – пообещал я.

– Удачи, – сказал он. – А, черт...

– Что? – спросил я тревожно.

– Стой на месте. Он не любит, когда двигаются.

Я осторожно огляделся, полагая, что из кустов за мной следит злыми глазами здоровенный ротвейлер или бордоский дог. Вместо пса к нам быстро шел прямо через кусты, почти бежал, худощавый, но накачанный мужчина в камуфляжной форме. Взгляд его был прицельным, он уже определял, где у меня самые уязвимые места, куда надо бить, чтобы дробить суставы, ломать кости, рвать связки, и что надо делать, чтобы я орал, но не терял сознания.

Я узнал того, с ястребиным носом, что сопровождал Конона вчера и демонстрировал, что охраняет его лучше, чем берегут президента.

– Привез, – определил он, хотя трудно было сказать что-то более очевидное. – Ну-ну...

– Привез, – ответил Сергей легко, но я все же уловил в его голосе некоторую суховатость или даже напряжение. Чувствовалось, что если к Антону на воротах он относится дружелюбно, хоть и дразнит, то с этим отношения несколько другие.

Человек в камуфляжной форме уставился мне в лицо. Холодок протек по всему моему телу от кончиков ушей до пяток. У этого человека не только глаза, но и все лицо убийцы. Возможно, он еще никого не убил, но этот взгляд, эти складки у рта, эти косо срезанные веки шизофреника...

– Как зовут? – потребовал он.

– Андрий, – ответил я послушно. Злюсь, когда вот так бесцеремонно начинают задавать вопросы, сами оставаясь в тени, но собственная интеллигентность не дает вякнуть, указать, что меня уже вчера называли по имени, злюсь молча, наживая язву. – Меня пригласили.

– Ах, пригласили, – протянул он саркастически. – Об этом забудь, понял?.. Приглашают только гостей, а тебя позвали, чтобы предложить работу. Если пройдешь тест, то примут. Если нет – то пинок в зад, понял?.. Здесь публика не твоего поля... Меня зовут Руслан Гвидонович, я – шеф службы безопасности. Козаровский Руслан Гвидонович, запоминай! Без моего ведома здесь не должна даже муха пролететь, понял?

Я покорно кивнул.

– Что? – переспросил он зло. – Не слышу!

– Понял, – ответил я. – Все понял.

Он отступил на шаг, оглядел меня с головы до ног снова. Я стоял смирно, в голове тоскливое: куда занесло дурака, почему не засейвился, сейчас бы вошел с того места, как только сели в ресторане... а то и вовсе на фиг этот ресторан, в гробу видел этих жареных червячков, жил и не жалел, эти приключения на мафиозных дачах смотрятся лучше в компьютерных играх... Там бы ты у меня, гад, по-иному бы заговорил перед дулом BFG...

Козаровский сказал наконец милостиво:

– Ладно, иди. Вон туда через кусты. Но помни: после Конона главный здесь – я!

Я чувствовал, что они с Сергеем провожают меня взглядами. Козаровский не упустит случая расспросить обо мне, а Сергей из тех, кто не только все расскажет охотно, но и что-нибудь совет для красоты...

Кусты раздвинулись, как занавес. Мне казалось, что иду по прекрасно отрендеренной поверхности газона старинного английского замка. Трава зеленая, ровная, по ней хоть на танке промчись, не заметит, следов не останется.

Из абсолютно ровной, как бильярдный стол, зеленой поверхности поднимается огромное картинное дерево. Такие видел только на полотнах средневековых мастеров: неимоверно толстое, с наплывами, красиво изогнутые ветви как в лезгинке раскинуты в стороны, явно выросло на просторе, не надо тянуться к солнцу, а все вширь, вширь, как допетровский купчина...

Яркая изумрудная зелень под этим деревом, буду звать его дубом, строже, благородных приглушенных тонов, а дальше, вырвавшись из-под тени, снова легкомысленно веселая, яркая, нахальная, прущая вверх, несмотря на все газонокосилки и всех газонокосильщиков, мечтающих стать властелинами мира.

В самой тени привольно расположились столы, лавки, несколько легких кресел. В стороне, чтобы дымом и огнем не жечь листья низко опущенных веток, раскорячился длинный мангал. Вкусно пахнет жареным мясом, луком, слабым вином. Не меньше двух десятков шампуров с нанизанными розовыми комочками мяса, между ними белеют полоски лука...

От группы мужчин поднялся Конон. Еще более загорелый, крепкий, веселый, глаза блещут то ли от выпитого, то ли от осознания, что у него allamто с вечным боезапасом, даже BFG всегда под рукой.

– Привет, – сказал он. – Привет, привет!

Я стоял смирно, он меня обнял очень сердечно, только что не расцеловал, я слышал, что самые любезные люди на свете – мафиози, и чем мафиози крупнее, тем приветливее, радушнее и любезнее.

– У вас здесь очень красиво, – сказал я. – А бэкграунды так и вовсе отпадные.

Он взглянул остро, помедлил, неожиданно усмехнулся:

– Пойдем, представлю тебя гостям.

Теперь я взглянул на него искоса, ожидая подвоха, а он повел меня, продолжая обнимать за плечи, к группе NPC. Они перестали разговаривать, переключились в активный режим. На меня смотрели с интересом и ожиданием.

– Мой старый знакомый, – провозгласил Конон. – Очень старый. Я даже не думал, что столько лет прошло. Тогда мы с ним работали еще в оборонке... Эх, славное было время! Зовут его Андрий. Как видите, я собираю свое старое племя профессионалов...

Это прозвучало двусмысленно, как будто мы с ним в паре кого-то убивали или грабили, а теперь вот более удачливый помогает младшему. Но делать нечего, я коротко поклонился всем сразу, профессионал так профессионал, сказал Конону вполголоса:

– Может быть, я лучше сразу пойду взгляну на аппаратуру?

Он коротко усмехнулся:

– Нет уж, сперва оттерпи здесь, у шашлычков!

NPCсы довольно засмеялись, только я взглянул на Конона искоса. Он снова сказал, как припечатал. Догадался, что мне гораздо интереснее посмотреть его компы, чем сидеть с богатыми и уважаемыми людьми в приватной обстановке, завязывать знакомства, кушать с ними шашлычки из отборнейшего мяса. Понятно, половина населения нашего города отдала бы полжизни, только бы очутиться вот здесь, среди приглашенных, но мне в самом деле по фигу эти NPC, а вот компы интереснее. Отец рассказывал, что в его молодости, входя впервые в квартиру нового знакомого, всякий автоматически устремлялся к полкам с книгами. В его пещерное время именно там было настоящее богатство, роскошь, пиршество духа, хозяин выставлял его напоказ, и каждый гость летел к книжным полкам, как ослепленная ночная бабочка на лампу. Теперь же всякий, я имею в виду мое поколение, устремляется к чужому компу. И хотя тот вроде бы персональный, то есть чужому включать вроде бы даже неприлично, но включаем, мы ж не письма чужие просматриваем, всего лишь взглянуть характеристики, прогнать

по тестам, это ж сколько он обрабатывает пикселей в секунду, какая шина, что за мама, сколько RAM, а тут еще коварный голос произносит над ухом, что новенькую прогу ночью качнул из Сети, изумительные вещи творит, и вот уже пальцы сами находят экзешный файл... Время ускоряется, откуда-то из пространства высовываются руки, ставят сбоку тарелку, на тарелке что-то, сметаешь машинально и можешь опомниться, только когда осмотрел прогу, проверил ее на новенькой гейме, у меня такая же, но надо ж взглянуть, как идет на этой тачке...

Конон, придерживая меня за плечи, подвел к плетеному креслу. Прямо передо мной в двух шагах роскошный мангал. Мясо разрумянилось, края становятся коричневыми, воздух пропитан ароматом жареного с лучком и еще чем-то остреньким и зовущим. Двое ботов колдуют с приготовлением: переворачивают, меняют местами, один вовсе поливает из бутылки сухим вином, пока более продвинутый не отобрал и не стал обмакивать в вино длинное гусиное перо, каким еще Пушкин писал, после чего величественно побрызгивал на шашлычки с этого перышка, ну прямо шаман в блестящей рясе на ритуале освящения Московской окружной дороги.

NPCсы как NPCсы, ничего необычного, потому я на них внимания почти не обращал, а вот к ботам присматривался. У обоих скелетная анимация и явно качественно новое боевое AI, если сравнивать с тем, что дежурит на воротах. Хотя веселились вместе с NPCсами, но и выполняли некоторые полезные функции, как-то: раскупоривали бутылки, бегали в дом за новыми, переносили кресла, предугадывали желания гостей и старались их выполнить загодя. А так как AI ботов явно не очень, здесь все силы брошены на графику, на размер карт, то желания гостей удовлетворялись с лихвой, сами боты тоже оттягивались по полной, пробовали то водочку, то коньячок, но закусывать не забывали, морды только с виду пьяненькие...

Один посмотрел на меня и сказал понимающе:

– А, компьютерный гений... Конон о тебе говорил. А правда, что на стыке математики и кибернетики родилась новая наука – кибениматика?

Второй хохотнул, сказал доброжелательно:

– Меня зовут Гриць... правда, оригинально?.. А вот его и вовсе дико – Иван!

– Меня Андрей, – ответил я. – Андрей, не Андрей.

Иван, криво усмехаясь, откупоривал бутылку водки. Глазами указал мне на другую. Я взял в руки, по этикетке типографским способом шли деловитые буквы: «Перед злоупотреблением охладить». Круто, шутник у нас хозяин... Не удивлюсь, если он и к этому бизнесу причастен. Нелегальное производство водки, как я слышал, дает прибыль, сравнимую с продажей наркотиков.

С другой стороны, когда я увидел в его саду эту скульптурную группу, где Геракл разрывает пасть писающему мальчику, я ощутил, что мне чем-то симпатичен этот бывалый и тертый мафиози... если он мафиози, кстати. Вообще-то мы всех богатых с легкостью записываем в мафиози, что в целом правильно, там на сотню разве что один волей случая или невероятной удачливости окажется без криминала, но этот, с криминалом он или нет, чем-то симпатичен...

Однако чувство настороженности не покидает, я повертел в руке бутылку, поулыбался, поставил обратно на стол. У меня всегда либо застрянет, либо сорвется, либо пробка нырнет вовнутрь.

ГЛАВА 7

Над дорожкой, закрытой аккуратно подстриженными кустами, показалась блестящая марсианская тарелка. Я тряхнул головой, очки едва не слетели, в самом деле, худею. Тарелка проплыла малость, остановилась, по ту сторону кустов раздался щелчок хлопнувшей дверцы.

Марсианская тарелка поплыла обратно, а в нашу сторону, бесцеремонно раздвинув зелень, пошла напрямик молодая женщина с веселым лицом и быстрыми живыми глазами.

Конон поднялся, раскинул руки. Женщина дала себя обнять, ее лицо посветлело, взгляд веселых глаз быстро обожегал присутствующих. Конон отечески поцеловал в щечку. Крупные карие глаза с живейшим интересом оглядели стол, шашлыки, нас, остановились на краткий миг на мне, я ощутил тепло.

– Как у вас здорово!.. Не понимаю, почему так скучно у нас?

Конон вежливо поинтересовался:

– Анжела, ты знаешь, как я всегда счастлив тебя видеть! Но где же Митрий Митриевич?

Женщина всплеснула белыми нежными руками:

– Ох, и не спрашивайте!.. Вторую неделю мается с простудой.

Конон покачал головой.

– Как? В такую жару?

– В жару только и того, – заметил Гриць. – Не зимой же. Зимой же холодно! Вообще-то простуда – это недомогание, от которого есть целый ряд неэффективных лекарств, самое популярное из которых – виски.

Он сам себе с готовностью хохотнул, а Анжела присела на корточки перед мангалом. С ломтиков мяса срывались прозрачные капли, багровые угли шипели, как разъяренные коты, стреляли быстрыми сизыми дымками. Она смешно щурилась, фыркала, дула на струйки дыма, ухватила один шампур, с торжеством отпрыгнула, словно захватила у врага богатую добычу.

Вырез ее платья квадратный, рассчитанный на то, что, когда она вот так на корточках, это разрешение и даже приглашение заглянуть, что я и сделал, не могу обижать женщин. Груды в самом деле хороши, маленькие и крепкие, тугие с виду, не меняют формы, как бы она ни двигалась.

– Какое чудо, – произнесла она с восторгом. – Какой запах!.. И все это с ароматами травы, свежего воздуха, почвы, цветов... Божественно. Неповторимо. Изум-м-нительно!

Ее белые зубки жадно вгрызлись в коричневые комочки. Сок брызнул, потек по подбородку. Она смеялась покрашенным ртом, эротично облизала длинным красным языком, он у нее достал до подбородка. Пальцы тоже заблестели, а кольца на пальцах вообще горели, как маленькие солнца.

Появился Сергей, кивнул мне, как старому знакомому, Гриць бросил ему бутылку пива. Сергей поймал небрежно, даже не взглянул, я ощутил зависть, это совсем другой мир. Сергей скovyрнул крышечку твердыми, как плоскогубцы, пальцами, горлышко взметнулось к губам, какие там стаканы, только дикари пьют из стаканов, а по тому, как пил, я понял, что его работа как шофера на сегодня закончена и обратно мне добираться рейсовым автобусом, если в эти края что-то ходит.

Я ел и пил вместе со всеми, но дистанция между нами сохранялась, ибо они – гости, а я – нанятый работник, пусть даже неопределенного статуса, хотя насчет статуса никто не знает, как не знаю и я, но все же они из одной социальной группы, а я с ботами – из другой.

Так что я пил и ел только вроде бы наравне со всеми, а на самом деле – наравне с ботами, а те помнили, что на службе, лишнего себе не позволяли.

Когда я ощутил, что вполне прилично встать, поднялся, громким шепотом спросил у Сергея, где здесь туалет, он сперва указал в сторону особняка, а потом поднялся сам.

– Заблудишься. Пойдем, отведу.

На входе в дом встретили Козаровского. Он стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Обычная поза обычного охранника, но так иногда стоят и генералы, а Козаровский явно не чувствует себя простым охранником.

Он смерил нас подозрительным взглядом.

– Куда?

Сергей сказал куда, Козаровский не посторонился, мы обошли его по дуге. Я все время чувствовал его прицеливающийся взгляд. Вряд ли он супербоец в рукопашных боях, но вот выстрелить в спину... рука не дрогнет точно.

Туалетная комната – настоящее произведение искусства. Первая комната вся в зеркалах, дорогие изразцы, явно сделанные по индивидуальному заказу, никелированные раковины для мытья рук, сушилки, автоматические чистильщики обуви.

Сергей кивнул на дверь в другую комнату, сам открыл кран и сунул ладони под струю воды. Похоже, он из тех, кто моет руки до, а не после. А я вообще из тех, кто не понимает значения такого ритуала. Ну, если в компании, тогда делай, как все, ясно.

Вторая комната по роскоши не уступает первой. Шесть дорогих писсуаров, стены как из дворца Гарун аль-Рашида, а под потолком настоящая люстра, что вообще уже перебор, пальцы вращаются.

Когда я подошел к ближайшему писсуару, над ним скромно белел листок бумаги с корявой надписью:

«Не лсти себе, ПОДОЙДИ ПОБЛИЖЕ!!!!»

Над соседним еще более пьяным почерком: «Ничего хорошего из тебя не выйдет...»

И над третьим: «Когда решишь тряхнуть стариной, смотри, чтобы он не отвалился!»

Совсем мелкими косыми буквами ниже: «Не болтай ерундой!»

Потом я помыл руки, посмотрел на себя в зеркало, пригладил волосы, вроде бы смотрюсь скромно, направился к выходу и там на двери обнаружил еще записку: «Улыбайтесь! Вас снимает скрытая камера».

Ладно, я вроде бы ничего криминального не натворил: улыбался, читая надписи, не лстил себе, не особенно-то и тряс стариной, дефекалил куда надо, а не мимо...

Сергей в соседней комнате приглаживал перед зеркалом волосы. Круглое лицо блестело, он успел умыться, но морда кислая, словно принял uninstall для желудка.

Поинтересовался, не поворачивая головы:

– Ну что, валим обратно?

Я сказал осторожно:

– А нельзя ли на этом и закончить? Для меня. Честно, я не люблю работать, но для меня компы – не работа.

Он хмыкнул:

– А шашлычки жрать и водочку пить – работа?.. Ты прав, для меня это тоже бывает работой. Гады, такое дело ухитряются испакостить! Лады, как скажешь. Конон велел, как только скажешь, отвести тебя в операторскую.

По дороге из туалета я спросил:

– А что стряслось? Неужели с его деньгами трудно найти толкового программиста?.. Все-таки я не совсем то, что он говорит. Он мог бы пригласить кого-то с рекомендациями.

Сергей, всегда скорый на ответ, помялся, развел руками.

– Не знаю, как тебе и сказать. Если бы приглашали токаря, то наш Конон способен започинить самого лучшего. А вот с программистом... Что такое самый лучший? Который программирует лучше всех или которому доверишь?

Я ощутил неприятный холодок.

– Мне что, тоже иметь дело с какими-то тайнами? Честно говоря, я предпочел бы от них подальше.

– Вот и держись, – посоветовал он. – Но подозревать тебя все равно будут. Теперь же все завязано на эти чертовы компы! А мы в них ни хрена не смыслим. Приходится доверяться вслепую... Здесь царствовал Валёк, хороший парень, сынок какого-то знакомого Конона. В самом деле, хороший парень! Уйма анекдотов, не дурак по бабам, пил как лошадь... даже как конь, на работе особенно не мудохался... Мы ж проверить не можем, делает он что-то с этими компами или нет!.. Сейчас он в очередном запое. Вот Конон и озверел, велел передать другу, что он его сынка увольняет, пусть не обижается... И вообще пусть лучше не появляется на глаза.

Он вывел меня в главный холл этого особняка, откуда можно в правое и левое крыло, а также наверх, вон две анрыльи лестницы, широкие, как на пирамидах ацтеков, ковровые дорожки ручной работы...

Там наверху вдоль стены картины в дорогих рамах, я мимо таких точно ходил в Resident Evil, в Alone in the Dark, да и в десятке других, фантазия строителей убогонькая, хотя True Colors в тридцать два бита, разрешение за тысячу шестьсот, зато монстры попадают – дай боже, зашибись...

Нет, явная эклектика: лестницы и переходы анрыльи, но стены явно из третьей кваки... Мои пальцы стиснули невидимую мышку, а указательный палец приготовился нажать на правую кнопку, в то время как пальцы левой руки готовы стрейфить, избегая летящих прямо в меня гранат...

– Нам в подвал, – сказал Сергей буднично.

– Да-да, – согласился я. – Всегда все с подвала. Побродить в трубах канализации, отключить сигнализацию, побить гадов, подайкатанить, и потом уже наверх, к пульту управления...

Сергей хохотнул.

– Круто! Но на этот раз пойдем сразу в центр.

– У тебя чит-коды? – догадался я. – Или в slip-режиме?

Мы шли по левому аппендиксу особняка, потом Сергей отворил малоприметную дверь, оглянулся.

– Вроде мы с тобой одной жопы ягодицы, а ты слова такие непонятные говоришь... Или у тебя что-то там наверху? Правильно, какая крыша не любит быстрой езды? Но теперь поздно пятиться: взялся за зад – не говори, что не рад. Верно?

– Верно, – согласился я убито.

Он сказал довольно:

– Молодец, яйцеголовый! Сразу видно, что ты умный... Умными, к слову о птичках, мы называем всех, кто с нами соглашается...

Лестница вела вниз почти такая же широкая, добротная, я по такой сто раз бегал в модах кваки. А дальше подземный холл, оттуда ведут еще две двери. Сергей на ходу вытащил из кармана ключи.

Говорят, в советское время, когда с казнокрадством боролись, ворье строило вроде бы обшарпанные домишки, а уже внутри обдeldывали самыми ценными породами дерева, к тоже же под землю загоняли еще два-три этажа, где был самый-самый писк...

Здесь от чужих глаз не прятались, хотя и напоказ богатство не выставляли. Чувствуется добротность, особняк чем-то похож на самого Конона. Такой же устойчивый, крепкий, здоровый.

Сергей дверь отпер с такой легкостью, словно та вообще была не заперта. Я шагнул... и еще с порога уловил, что в этой огромной комнате главное сокровище. Здесь не просто компы, а Компы! Я не видел, что там под кожухами, но уже чуял, что все брендовское, хай-эндячье.

Еще ни к чему не прикасаясь, я обвел взглядом комнату.

– Знаешь, Сергей... Скажу честно, нравится мне это богатство. Компьютерное, есно. Но страшновато, понимаешь?

– Понимаю, – ответил он. – Я побывал в твоей шкуре, понимаю. Под лежащий камень мы всегда успеем!

Я покосился на него удивленно. Трудно представить, что этот накачанный здоровяк владеет каким-то еще языком, кроме сленга и бородатых анекдотов.

Он понял мой взгляд, кивнул.

– Я не всегда был таким вышибалой. Два года назад я еще был неплохим офицером в... одной особой части. Словом, решай сам. Сейчас еще отказаться не поздно.

– Наверное, все-таки откажусь. Голова дороже.

Он кивнул с сочувствием.

– Ты прав. Всякому хочется дожить до старости. Хоть бедным, но до старости. А крутая жизнь всегда как с гранатой за пазухой!

Взгляд Козаровского сверлил мне спину, как остро отточенным сверлом, а Сергей разве что не держал за локоть, как заключенного. Я шел смирно, слыхивал про шаг – влево, шаг – вправо – попытка к бегству, стреляют без замены штрафом.

Конон увидел нас, Сергей явно уловил какой-то знак, я ощутил крепкие пальцы на локте. Мы остановились, Конон подошел, развел руками.

– Пусть развлекаются. Зачем им наши заботы... Ну что скажешь?

Я пожал плечами.

– Даже не знаю, что сказать...

Он поморщился.

– Говори, как есть. Мне кажется, ты, если не разбираешься в людях... как в компах, то хотя бы что-то чувствуешь. И должен понять, что мне можно... даже надо говорить правду.

А то пальцы молотком, подумал я тоскливо, но изнутри рвалось то, что остановить бывает очень трудно. Я хотел смолчать, но изнутри продралось наружу и каркнуло громко и отчетливо:

– Компы великолепные. Высшего класса!.. Только редкостный дурак покупает такие компы. Нет, даже лох в помеси с придурком. Лох, так сказать, в законе.

Сергей охнул, затаил дыхание. Взгляд его из-за спины Конона сказал, что я сам лох и что от меня останутся только рожки до ножки. Или один скелетик с ногами по щиколотку в бетоне, после того как рыбы обглодают мясо.

Конон потребовал зло:

– Почему?

Я опять изо всех сил старался смолчать, ну что мне стоит, я же не только могу смолчать, но и соврать, не моргнув глазом, но почему же сейчас из меня так и прет эта дурь...

– Это же компы, – сказала из меня. – Компы, а не холодильники. Не стиральные машины!.. Поясняю для тех, кто в танке: холодильник покупается на десяток лет, а то и больше. Как и телевизор. А комп устареет уже за полгода! Это только на полных придурков рассчитана реклама, что гарантия на три года. Да через три года на этом компе уже не пойдет ни одна современная программа! Он будет работать, как и работал, но это будет работающий бабушкин патефон...

По их лицам видел, что некоторые эту истину уже понимают, что-то слышали, но еще не успели сделать выводы.

– Потому, – закончил я, – нет смысла покупать дорогие компы, которые будут служить вам сто лет. Уже через пару месяцев начнете менять карты, чипы, акселераторы, а в этом случае ваша гарантия летит коту под хвост!.. Брандовский комп прослужит сто лет, а дешевенький тайваньский – пять, но вам этого с головой! Не понимаю, какой был смысл...

Конон морщился, а когда я сделал паузу, чтобы набрать воздуха для нового возмущенного вопля, прервал:

– Это я велел, чтобы все было по самому высшему классу. Понимаешь, Андрий, с финансами у меня в порядке. Я все равно не успею потратить и трети, даже если начну покупать участки земли в Нью-Йорке. Вместе с небоскребами. Потому мне привезли компы самые дорогие.

Я возразил:

– Да? А почему тогда доступа в Интернет нет вовсе? У меня и то есть!.. У вас что, триста баксов не нашлось?

Он насторожился:

– Интернет?.. Я слышал, что гады хакеры могут залезть в наши компьютеры, а то и в холодильники...

– Дикари, – сказал я с чувством. – Зато на мерсах. Эх, мне бы хоть простенькую выделенку!.. Тысячу баксов на установку, пара сот в месяц – аренда. Но зато весь Интернет моментально!

Лицо его было угрюмым. Сергей деликатно помалкивал. Наконец Конон кивнул.

– Я догадывался, – обронил он мрачно, – но трудно разговаривать с профессионалом. Он такого туману напустит... А самому разбираться, сам понимаешь, некогда. Вот почему тебя и пригласил. Короче, давай так. Бери все это в свои руки. Составь смету, как и что, сколько. Не жмись, я могу себе позволить расходы. Догадываюсь, что наш Валёк-программист просто не хотел вкалывать. Я ему положил хорошее жалованье, дал машину, а это – девки, пьянки, казино, вечно опухшая морда по утрам. Он неплохой программист, какую-то премию получил на международном конкурсе. Правда, по математике... Его в США сманивали... Может быть, он умел все это делать, что ты говоришь, но компы ему осточертели, он хотел развлекаться. Его из-за стола, что в саду, краном не вытащили бы! А ты сбежал при первой возможности... Ладно, пойдем, а то народ уже беспокоится.

ГЛАВА 8

Солнце медленно передвинулось на другую сторону неба. Гигантский дуб не выпускал из тени столы, только мангал оказался рядом с гранью, за которой земля казалась расплавленным золотым песком.

Боты быстро нанизывали на шампуры свежие ломтики мяса, перемежали кружками лука. Добровольцы из NPC с азартом помогали. Тут же на столе высилась окровавленная горка мяса. Рядом двое весело резали лук, хохотали, вытирали слезы.

Со стороны особняка молодая девушка прикатила тяжело груженную тележку. На трех полках плотно, как овцы в стаде, теснились бутылки с шампанским, коньяками, мелкие и средние кастрюльки, а на самой верхней тяжело покачивалась на ухабах огромная, как котел скифского царя Ариана, кастрюля.

Конон сказал с укоризной:

– Ну что ты, Нюрка, такие тяжести таскаешь! Могла бы за два захода...

Девушка рассмеялась:

– Ну что вы, Илья Юрьевич! Это для вас, городских, тяжести. Москвичи – все белоручки, а мы к работе привычные...

Ее белые ровные зубы, крупные, как у коня или американки, блестели, щеки полыхали натуральным румянцем. Она вся налита здоровьем: ширококостная и широколицая, с толстыми руками, широкая в бедрах, с двумя крупными, как дыни, слегка растопыренными грудями.

Сергей и боты быстро начали перегружать бутылки с шампанским из тележки на стол. С десятков бутылок оказалось в ведерках со льдом, да еще два этажа в тележке заполнены всякими блюдами в посудах с толстыми металлическими стенками. Я тоже подумал невольно, что надо иметь здоровье, чтобы допереть эту тележку, ведь сюда асфальтовой дорожки нет, тащила через кусты...

Такие румяные да краснощечие остались разве что, по моему представлению, только в дальних деревнях, где все на молоке натуральном, без всяких примесей и добавок, сливках, сметане, морковке со своего огорода, что не знает химических удобрений, и на покусанных червяками яблоках, что как знак качества: мол, ядохимикатами не пропитано.

Я ел шашлыки, натужно общался, даже раскупоривал коньяк, хотя сам не пил. Шампанское открывать не пытался, у меня выплескивается даже минеральная вода, но покорно резал лук, помогал нанизывать на железные прутья скользкие ломти красного мяса. И хотя у Конона хватает персонала, я уже заметил, кроме Нюрки, еще и садовника, еще пару каких-то работающих персонажей, но у полуинтеллигентов почему-то считается ну просто счастьем самим долго и нудно возиться с кухней, особенно когда это вот так примитивно, по-пещерному: открытый огонь, дым и чад, подгорелое мясо...

Ко мне присматривались, я заметил. В первую очередь местные боты: Иван, Гриць. Даже Антон покинул будку дежурного и присоединился к веселью. У всех троих полувеселье: то есть пейте и гуляйте, ребята, но помните, что вы лишь допущенные на пир генералов солдатики. По тому, что Антон даже не посматривал в сторону ворот, я понял, что больше гостей не будет. Конон общался со всеми, но с некоторыми иногда удалялся в здание. Обычно это называется «показать ковры». Что показывают женщинам – понятно, но Конон чаще прохаживался туда с мужчинами. На такого человека я инстинктивно не мог бросить даже тень гомосексуальности, так что наедине либо сговариваются, какой небоскреб купить в Нью-Йорке, либо какую бы еще МММ придумать...

Со стороны особняка показалась та полная девушка, которую Конон назвал Нюркой. При ходьбе она так сильно покачивала бедрами, что у меня сразу возникла ассоциация с огромным блестящим чугунным шаром, которым с крана крушат стены домов. Нюрка настолько налита здоровой силой, что ее бедра бетонную стену хоть и не прошибут с первого соприкосновения... а может, и прошибут. Вот Антон, на что слон, а уже раскрыл рот, челюсть отвисла. Можно представить, что он вытворяет с Нюркой в своем виртуальном мире...

Нюрка подошла к Конону, что-то шепнула на ухо, тот встал, провозгласил:

– Дорогие друзья!.. Светлана Васильевна, которой шашлыки противопоказаны, настаивает, чтобы мы перебрались в дом!

Гости довольно охотно, со смешками, оставляли недопитое и недоеденное, на которое сразу же накинудись стаи мух, потянулись к особняку. По их лицам и долетавшим шуточкам я понял, что неведомая Светлана Васильевна, явно хозяйка, просто ленится слезть с дивана, где у нее под подушкой очередной розовый роман с «ослиными ушами» на каждой странице.

В главном холле особняка располагался большой королевский зал. По крайней мере, королевские залы я представляю именно такими. В огромном камине, где можно жечь вековые дубы, полыхает нелепо жаркий для июня огонь. На другой стороне холла – богато накрытый стол, окруженный стульями не дешевле, чем по тыще баксов за штуку.

Анжела тут же, опередив всех, метнулась к камину. От огня накалилась даже нарочито грубая металлическая решетка, воздух сухой и жаркий. Анжела присела перед каминной решеткой на корточки. По ее счастливому раздумавшемуся личику заплескали багровые отблески, глаза блестели, как у котенка, что впервые настиг большую толстую мышь.

Гости потянулись к столу, рассаживались, шумно двигая стульями. Конон остановился ближе к камину, Анжела повернула голову, личико сияло.

– Как у вас хорошо! – сказала она счастливо. – Как... как восхитительно!.. Настоящий старинный дворец. Я просто чувствую, как здесь проходят тени благородных графинь, принцев, старых магов, чародеев, доблестных рыцарей... И никакой вездесудной техники, электроники, от которой уже не спрятаться. Только у вас, Илья Юрьевич, настоящий камин... Боже, какая красота, какая красота!.. Нет, вы только посмотрите, какая красота!.. Так и вижу себя наяву в средневековом замке возле такого же средневекового камина... Пламя ревет... да-да, как средневековый дракон, я собственноручно подбрасываю средневековые березовые поленья, а от них такой дух, такой дух! И даже такой восхитительный запах... Я подбираю подол своего длинного платья, за окном шумят деревья, призывно ржет мой конь, его седлают и ведут к крыльцу... Я поскачу по чистому лесу, где нет разбитых бутылок, упаковок от пепси, где солнце на полянах, земляника на кустах...

Я покосился на Конона, с недоумением посмотрел на ее раздумавшееся лицо. Глаза счастливо блестят, голос аж дрожит, это она скачет... Неужели не понимает, что в прошлом была той служанкой, что носит поленья для камина? Почему каждая дура воображает, что в прошлом была бы владелицей замка?.. Фамилия ее Мельникова, как сказал Гриць, что указывает на не совсем уж дворянское происхождение, правда – по мужу, а девичья и вовсе Кузнецова. Хорошая фамилия, достойная, но кузнецы не были графьями. Так нет же, обязательно – свой замок, слуги, породистые кони...

Дура, это сейчас выгивается, а прожила бы недельку без ванны, холодильника, телевизора, газет, даже без электричества, посмотрим, что бы запела! Да еще рои мух, которых не истребить, полчища вшей, блох, клопов, массы бегающих прямо по столу тараканов, что лезут в миску с едой, пока ешь...

Наверх ведут две лестницы: широкие, добротные, с резными перилами. На стене второго этажа ряд картин в дорогих рамах, уходят направо и налево в коридоры. С правого крыла вышла миловидная, очень полная женщина, я сразу вспомнил Анну Каренину, что «легко

носила свое полное тело» © Л.Н.Толстой, посмотрела через перила на нас, спросила музыкальным голосом:

– Илюша, ты не видел мою книгу, что я читала?.. Не помню, где я ее оставила...

– Что за книга? – спросил Конон.

– «Нежные объятия» Сюзанны Сюзилав... Такая в розовой обложке, там двое обнимаются...

– В клинче, – определил Конон. – Все понял. Ты ее оставила в той комнате, где аквариумы.

Она подумала, спросила нерешительно:

– А это где?

Конон собирался было объяснять, а то и самому идти, так бывает проще, но пришел на помощь Сергей:

– Светлана Васильевна, это там, где над пианиной картина: «Иван Грозный делает контрольный выстрел».

Женщина просияла:

– А, помню-помню! Спасибо, Сережа.

И удалилась красиво и грациозно, я снова как воочию увидел Анну Каренину, корсеты, пышные платья на китовом усе, парики. Все смотрели ей вслед, потом Конон опомнился, потер с досадой лоб:

– О чем это мы говорили?

– Привлекательные женщины отвлекают, – сказал Сергей сочувствующе. – У меня тоже склероз, но это ж так здорово: ничто не болит, и каждый день новости!

В сильно располневшей женщине привлекательного осталось маловато, даже одета неряшливо, именно такие и читают дамские романы, но Сергей говорил с преувеличенным почтением, я догадался, что это и есть жена Конона.

Сергей кивнул на бота, которого, если память не изменяет с кем попало, называли Иваном.

– Здесь все вообще-то хороший народ, только вот с ним будь поосторожнее. Все-таки киллер...

Я дернулся, посмотрел в широкую спину Ивана с испугом.

– Правда?

– Это не беда, – успокоил Сергей. – Работа как работа. Бывает и хуже. Например, инженером на заводе. Просто он все понимает буквально, разумеешь? Вот на той неделе жена попросила его убраться в комнате гостей...

Он махнул рукой, в глазах скорбь, ушел, а я остался с открытым ртом. Черт, у нас свой юмор, у них – свой... Не сразу и врубишься.

В зал по одному и парами подтягивались из сада последние NPCсы. Я поймал пару внимательных взглядов, уже поняли, что я принят. Отныне я один из команды Конона. Один из ботов.

Высокий красивый мужчина с седеющими волосами до плеч громко восхищался шашлыками, обещал написать к следующему разу экспромт в стихах. Женщины восторженно говорили о пикнике на свежем воздухе: как это романтично, как зазывно, как волнительно и волшебное и как они все благодарны за изумительный, просто изумительный прием в таком саду...

Конон улыбался, разводил руками, кланялся, снова разводил руками, кланялся и приговаривал растроганно:

– Да-да, вы правы! Бесконечно правы. Как я тоже люблю эти шашлычки... И все потому, что на воздухе, на природе. Это, знаете ли, способствует, способствует!.. Это вполне, вполне.

Потом важные и просто симпатичные NPCСы отбыли, Конон ушел провожать до ворот, а когда вернулся, я тестировал комп в комнате охранника. Похоже, насчет крутого программера малость наврали: ни один хоть что-то знающий не станет пихать мощнейший джи-форс в первый пень, хоть и с частотой в двести. Это все равно что поставить колеса от МАЗа на запорожец. Проходимость повысится, но разгонится ли на них забор?

Конон зашел, постоял за моей спиной. Я оглянулся, он спросил подозрительно:

– Чего лыбишься?

– Да не лыблюсь я, Илья Юрьевич, – ответил я.

– Лыбишься, лыбишься, – сказал Конон сердито. – Или я ничего в людях не понимаю. Не идиот же ты! Как эти вот идиоты. Сиречь нормальные люди с общечеловеческими ценностями. Пустые мешки, в которые что ни положи...

Я запротестовал:

– Да что вы, что вы! Все хорошо, чесс слово!

Конон посмотрел подозрительно.

– Ты в самом деле так думаешь? Врешь же, по глазам вижу. Какой дурак в здравом уме предпочтет шашлык на костре хорошо прожаренному мясу в электрогриле? Или микроволновке? Но принято вот обгаживать все, что связано с прогрессом, и восхвалять эту... эту дикость!.. Помню, я еще в детстве не понимал, когда дед мой, а потом и отец ходили на охоту. Измучаются, целый день по лесу да по болотам, а потом приносят убитую утку или зайца, хвастаются... Добро бы бахвалились удачным выстрелом или еще чем, но ведь требуют, чтобы ели и хвалили... А что там хвалить? Я привык себе доверять, ну не дурак же, понятно, что курица всегда вкуснее этой убитой утки. И кролик всегда вкуснее зайца. Утка – одни жилы, ей же летать надо, как и заяц: тощий да борзой, ему надо уметь убегать от волка и лисы... Я уж не говорю, что когда мать покупает на базаре курицу или утку, то всю пощупает, чтоб молодая да сочная, чтоб никаких жил... да и сами продавцы худых да жилистых не привезут, кто ж купит, но дома мать готовит эту добытую на охоте тощую и жилистую, как марафонец, утку, мы ее все едим, давимся, прожевать невозможно, я вообще тайком в рукав, а потом собаке, но... хвалим: какая вкусная да какая сочная, что значит на природе жила, вольным духом напилась...

Я чувствовал, как рот расплывается до ушей, Конон очень хорошо изобразил в лицах. В самом деле, достали мужика. Как-то даже забывается, что он не то мафиози, не то теневой делец.

– Это так, – сказал я, потому что не ответить было бы невежливо. – Традиция.

– Что за дурная традиция? Идиоту ж понятно, что домашняя птица всегда сочнее. Она не бегает, не летает, а кормят ее, в самом деле, на убой, а не готовят к перелету через Тихий океан. Также понятно, что на костре не приготовить так хорошо, как в микроволновке. Иначе бы какого черта их изобретали? Так и жарили бы на углях. Нет, все понимаем, что в микроволновке или в духовочке лучше, но... что с нами происходит? Почему врем друг другу?

Я ответил, копаясь во внутренностях компа:

– Все врут.

Он сказал с тоской:

– Да, это оправдание... Все врут! Никуда не денешься, надо и нам. Под это вранье подстегиваются и правила приличия, и не повреди ближнему, и ложь во спасение, и комильфо, и черт знает что еще. Я принимаю эту ложь, сознаю ее неизбежность... но уж слишком много этой брехни!.. Даже не то что много, черт с нею... а что она никчemuшная, эта брехня!.. Эх, ладно, оставь это на потом. Пойдем к столу.

– Опять?

Он сказал успокаивающе:

– На этот раз только свои.

Со стола убрали, Нюрке рьяно помогали Сергей, Иван и Гриць. Когда Конон взял меня за плечи, развернул и толкнул в спину, на столе высилась только широченная ваза с отборнейшим виноградом, а на соседнем широком блюде – горкой груши, желтые, сочные, просвечиваются так, что в середине видны темные комочки зернышек.

Сергей принес запотевшие бутылки с боржоми, пепси и апельсиновым соком. Пахнуло прохладой, стекло тут же стало покрываться крупными бусинками влаги.

Конон отщипывал по ягодке, на пальцах ни единого кольца, этот пальцы не будет держать веером. Чувствуется, что у него в самом деле власть, деньги, связи, но показуха таким людям ни к чему.

– Твоя главная обязанность, – сказал он властно, – обеспечить функционирование всей нашей электроники. Начиная от простого утюга... гм, ладно, утюги отставить, но все, начиная от телевизоров и видаков до компов. Это не значит, что тебе все это надо самому. Можешь давать поручения, тут главное то, что ты знаешь, как это делается. И знаешь, сколько стоит. И сроки тоже знаешь.

– Ящики в порядке, – ответил я. – Даже видаки. Но с компами – одна дурь. То танковая башня на запорожце, то мощный мотор на детских саночках. Хуже всего – с программами. Я понимаю, на них нужно время: приходится лазить по Интернету, выискивать, отслеживать, перекачивать, а связь то и дело рвется, нельзя отойти... Проще купить диск на Горбушке, там любые проги, обычному юзеру хватит, но профи видит, что это все типовухи, да и устарело, за это время уже появились новые, помощнее, понавороченнее, с новыми возможностями, удобным интерфейсом...

Он слушал вроде бы внимательно, потом я заметил, что он не столько слушает слова, сколько вслушивается в мой голос, отслеживает мою интонацию, жестикуляцию.

Сергей посмотрел на часы.

– Шеф, – сказал он намекая, – рабочий день кончился. Даже наш, безразмерный... Надо отпускать парня, а то у него крыша уже галопом... Заговаривается. Меня ботом обозвал!

По его тону я понял, что у них еще какие-то дела, в которые меня посвящать еще рано. Конон посерьезнел, на лбу проступили глубокие складки.

– Да-да, – сказал он. – Ты прав. Вот что, Андрий! На сегодня все, а завтра я тебя жду. На воротах назовешься, там люди меняются, но ты уже в списке. До завтра!

ГЛАВА 9

Звезды рассыпались по темнеющему небу, как мельчайшие осколки гигантского айсберга. В черном, как предательство, космосе сияла вмерзшая половинка луны. Я выбежал напрямую к автобусной остановке, успел увидеть в ночи пурпурные огни уходящего экспресса.

Помятая жестяная табличка злорадно сообщила, что автобус только что ушел, следующий будет только через сорок минут. Я прождал эти сорок, потом еще четверть часа. Автобус приволокся, шофер чуть было не проехал мимо, но я с отчаяния едва не выскочил прямо под колеса.

Потом час тащились до метро, а оттуда я с пересадкой, а потом на ночном автобусе добрался уже до дому до хаты. Отец посмотрел на мой измученный лик, покачал головой.

– Я тебе постелил, – сообщил он заботливо. – Есть хочешь?

– На ночь вредно, – ответил я. – А что есть?

– Приготовил бутерброды...

– Давай.

– С молоком?

– Да все, что есть.

Пока он готовил, я сидел на уголке, вместо головы на плечах – улей с разъяренными пчелами. Все сдуру бьются тупыми головами в черепные кости, шум, треск, шелест мириад крыльев, а от растрепанных мыслей летят клочья, перья, хитин и даже чешуя.

Для отца, к примеру, немыслима другая работа, кроме как на государство. Для моих сверстников работа в частной фирме предпочтительнее, но даже они посмотрят на меня как на придурка... если не с опаской, если я скажу, на кого работаю.

Правда, на кого – сам не знаю. Более того, этот Конон мне даже смутно нравится.

Похоже, я заснул с бутербродом с руке...

...потому что проснулся одетый, на неразобранном диване. На голове полотенце, спасибо, отец. Если не может уберечь мои глаза от монитора, то хотя бы спасает от солнечного света. Я только «за», у меня глаза чересчур чувствительные, не могу спать при свете, даже с задвинутыми шторами и опущенными жалюзи.

У подъезда, ессно, никакой машины, я не та персона, а дорогу мне уже показали. Сперва автобус, метро, пересадка, другая линия, снова автобус, скоростной экспресс, что связывает удаленные спальные районы, но этот пронес меня мимо всех окабеленных спален, недолго пилил по Окружной, затем вышел на прямую и еще с полчаса гнал по прямой на север.

На остановке я вышел один. Шофер посмотрел подозрительно, а я в самом деле ощутил себя подозрительным элементом, когда углубился в лес, будто белорусский партизан. Подошвы моих адидасок шлепают по хорошо уложенному почти городскому асфальту, но все равно по обе стороны тянутся робингудовские деревья. Толстые стволы поднимаются на немыслимую высоту, горожане не привыкли задирать головы, для нас любая высота нечто чужемарсианское, у горожанина глаза как у бекаса: смотрят только вперед, назад и по сторонам в единой плоскости.

Через асфальтовое плато быстрые лазиусы с торжеством волокли огромного расплющенного жука. Это шоссе для муравьев что русская рулетка: велика опасность попасть под колеса, но зато есть шанс наткнуться на жука с сокрушенным панцирем или на раздавленную гусеницу, которым в обычных условиях не заломить лапы за спину.

Рубашка на спине взмокла. С утра не жарко, но я страдаю географическим идиотизмом, есть такая болезнь: не могу запомнить, где юг, где север, а найти дорогу для меня задача потруднее, чем разобраться в написанной умником программе на ассемблере. И хотя вчера на обратном пути я осматривал каждый поворот, запоминал, чуть ли не записывал, но сейчас страх

делает ватными колени: вроде бы вчера здесь не шел... Этих деревьев не было... И вообще я сошел не на той остановке!

И только когда за очередным поворотом открылся простор, огороженный забором из кованых прутьев, а в глубине блеснул этот средневековый замок герцога, гора с грохотом рухнула с плеч.

На воротах новый парень, тоже в пятнистой одежде, поджарый и накачанный. Обычно в такой вот форме видим охранников плюгавеньких и тощих, соплей перешибешь, а здесь ребята что надо, то есть либо Конон в состоянии набирать к себе по конкурсу, либо эти крутые парни не только груши околачивают по охране.

– Андрей? – спросил он. – Знаю, предупреждали. Проходи, вот калитка.

Он даже не посмотрел в список, зато внимательным взглядом обшарил меня с головы до ног, хлопал на предмет спрятанного пистолета. Я вообще-то по летней жаре в шортах и маечке, зубочистку спрятать негде, и когда прошел калитку, охранник уже забыл о моем существовании.

На крыльце особняка стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину, Козаровский. Он смотрел на меня немигающим взглядом. И хотя я вроде бы иду сам по себе, но ощутил себя так, будто как загипнотизированная лягушка приближаюсь к змее с уже распахнутой пастью.

На ступеньке ниже сидел Сергей. В руках у бота зажата, как граната, коробочка сотового. Он что-то говорил, тряс, снова говорил, лицо было красным от злости. На миг оторвавшись от мобильного, поднял голову, спросил еще сердито:

– Ну как? Голова не болит?

Я ответил растерянно:

– Да вроде нет.

– А как дома? Если утром жена с тобой не разговаривает – значит, пьянка удалась!

– У меня пока нет жены, – сообщил я. – Да и не пил... почти.

– Хорошо, – одобрил он. – В меру выпитая водка хороша в любых количествах. Как и коньяк. Непьющий человек на Руси вызывает естественное подозрение... Наш шеф говорит, якщо людина не п'є, вона або хвора, або падлюка.

Из мобильного доносился писк. Сергей со злостью вдавил кнопку сброса, сунул в нагрудный карман. Я сказал осторожно:

– Так он вроде бы тоже не пил. По крайней мере, не особенно.

Сергей поднялся на ноги.

– Ну, – произнес он значительно, – гусь свинье – не товарищ майор! Ему можно. А вот мы все должны по правилам, усекаешь? Конечно, в действительности все не так просто, как на самом деле! Но, думаю, для тебя вчерашний день пропал не зря. Ты верно решил: мауглей бояться – в лес не ходить. Ну что, шеф, ведем его к Конону?

Я удивленно дернулся, Сергей шефом назвал этого Козаровского. Все страннее и страннее, как говорил мартовский заяц.

– Я сам, – отрезал Козаровский сухо. – А ты побудь здесь.

Он сказал, словно лязгнул стальным капканом. На меня пахнуло холодком, будто Козаровский накануне проглотил тонну «зимней свежести». Сергей вытянулся, едва не прищелкнул каблуками.

Я послушно двинулся за Козаровским. Чувствуется, что ему привычнее идти сзади, как за арестованным, а то и подгонять ударами приклада или рукоятью пистолета, но тогда не так будет видна его роль вожака, и он пошел через холл, ни разу не оглянувшись, резво начал подниматься по лестнице.

Когда архангел Гавриил разбирал генетический код Адама, как я часто разбираю написанные Аверьяном программные коды, то явно же наткнулся на комментарий /* A eti geny nado

by ubrat nahren. God Iegova-Jahve */. Но Гавриил схлестнул, не убрал, и вот теперь на свете, кроме нормальных людей, есть и Козаровский... Да не просто есть, а еще и начальник!

В холле на этот раз полутьма, камин не горит, прохладно. Тускло поблескивают перила, я на ходу касался кончиками пальцев дерева, все добротно, надежно. В кино то и дело видишь, как в падении герой или злодей, круша перила, падает сверху в холл, но здесь такое не пройдет, эти перила удержат и разбежавшегося слона или даже пьяного Паваротти.

Козаровский провел по второму этажу, здесь тоже по немалому холлу справа и слева, на ходу бросил в мобильник:

– Илья Юрьевич, это я, Козаровский. Веду яйцеголового. Придержаться пока... или к вам сразу? К вам?.. Ясно.

Кивнул мне коротко, мобильник сунул так, что я как воочию увидел мелькнувший в его ладони пистолет. В конце просторного коридора, который я упорно называл про себя холлом, обитая кожей массивная дверь. Козаровский потянул за ручку, мне почудился аромат легких духов.

Когда переступили порог, запах духов стал сильнее. Следом за Козаровским я вошел в просторную светлую комнату. В воздухе, в самом деле, витал запах легких духов, пахло цветами. Много живой зелени, цветы на тумбочках, свешиваются с подставок на стене, захватили весь подоконник, и даже на единственном столе, где нашлось место компу, факсу и принтеру, три крохотных горшочка с цветами.

– Здесь Вероника, – бросил Козаровский. – Секретарь.

Я осмелился спросить:

– А где она?.. Там, где и бывший программист?

Этот вопрос явно очень не понравится Козаровскому. Он нахмурился, ответил очень резко:

– Сдает экзамены. Скоро вернется!

В три быстрых шага пересек эту приемную, остановился перед добротной дверью, где и ручка – произведение искусства, и кожа явно стоит недешево, постучал рядом в деревянный косяк.

– Илья Юрьевич, – сказал он громко, – программист.

Отступил от двери, я нерешительно тронул дверную ручку. Козаровский не двигался, я приоткрыл дверь, еще не зная, открываю для него или идти первым. Козаровский все еще не шевелился, я осторожно ступил через порог. Козаровский вошел следом, и я наконец сообразил, что я не сам пришел, а был доставлен.

Кабинет Конона не кабинет, а апартаменты. Я не знаю, что такое апартаменты, но при этом слове всегда представлял нечто подобное, где, если убрать эти дурацкие диваны и журнальные столики с журналами... порнуха, наверное, – можно играть в мини-футбол. Темная мебель под стенами, в воздухе слабый запах крепкого кофе. Широкие окна, под дальней стеной огромный длинный стол, столешницы не видать под грудой бумаг, книг, брошюр. На столе монитор и комп, ну без компа сейчас не фотографируется ни один руководитель, даже самый мелкий. Обычно стоят выключенные, «чтобы не облучаться», но перед приходом корреспондента могут и включить, где сразу же начинает крутиться шарик скринсейвера. Из простых, встроенных в операционку.

Конон сидел с мобильником возле уха, пальцы перебирали бумаги. При моем появлении подниматься из-за стола не стал, я ж не посетитель, а нанятое, кивнул, сказал приветливо:

– Ты пока осмотришься здесь. Я закончу.

Я пошел через это огромное цивилизованное пространство, глаза не отрываются от компа, остальное меня не интересует, даже если на стенах развесить все золотые мечи и секиры Тутанхаима. На столе, который в этом Т главный, нагло высится огромный монитор. Самый-самый из существующих, двадцать один дюйм по диагонали. Еще одна глупость, для Конона

больше подошел бы LCD-шник, намного красивее, изячнее. Правда, старомодные крупнее и дешевле, но дешевизна для Конона не играет роли, а размеры... не думаю, что два дюйма имеют для него значение... По крайней мере, в размере монитора.

Рядом с монитором, почти теряясь перед его величием, – изящный ящик. Дизайнер поработал над формой, поработал. Даже цвет под травленный металл, в то время как все компы как будто вышли из больничных палат, настолько подходят по цвету, форме и дизайну как всем этим аппаратам искусственного дыхания, так и застиранным халатам санитарок.

Мои пальцы сами по себе тронули боковую панель, она тут же снялась, теперь они все на простейших защелках, а внутри... Круто! Действительно, сбалансировано, подогнано.

Конон выругался, встал и в раздражении принялся ходить по кабинету. Мобильник по-прежнему возле уха, Конон говорит негромко, но с нажимом. На столе два телефона, но такие люди не желают быть привязанными к телефонному шнуру. И, понятно, не считаются, что нащелкает лишняя сотня долларов.

Козаровский выждал, пока я смиренненько прошел на указанное место, только после этого сам сел так, что между нами оставалось свободное сиденье. Хозяин всегда пропускает гостя вперед и садится после него, но здесь мне почудилось настойчивое подчеркивание, что он может не выполнять указания Конона... а если и выполняет, то лишь по своей воле.

Меня огромные кабинеты подавляют, я из тех, кто в Средневековье делал кровати с поломом, чтобы потолок пониже и занавеси со всех сторон, ненавижу такие открытые пространства, а здесь как в зале, хоть атрибуты кабинета налицо, налицо.

Конон выглядел озабоченным, недовольно взрыкивал, сопел, слушал с неудовольствием, наконец сказал сухо:

– По-моему, вы что-то не поняли... Я сказал: надо! Все, разговор окончен.

Он небрежно бросил мобильник на стол. Я сжался, после таких бросков платы разбалтываются за неделю. Хотя Конон, возможно, покупает сотовые телефоны ящиками, как картошку.

– Привет, Андрий, – сказал он все еще хмуро. – Погляди, погляди на мое оборудование. Оцени с точки зрения профессионала.

– Да вот, – ответил я осторожно, – люблюсь.

Конон спросил удивленно:

– Может быть, тебе включить хоть?

– Ага, – сказал я, – включите.

Он ткнул пальцем в Power, дикарь, теперь все запускаются от any key с клавиатуры, комп довольно быстро пересчитал драйверы... еще бы, если пересчитывать почти нечего, проверил на вирусы и выдал на экран табличку с просьбой ввести пароль. Я ожидал, что Конон, как русский шпион, так и напишет добросовестно: «пароль», опустил глаза, чтобы не смотреть в его сторону даже краем глаза. Большинство относятся к процедуре набирания пароля очень серьезно, не понимают, что обойти его до смешного просто.

Экран засветился, музыка грянула из двух встроенных динамиков. Понятно, Конону наплевать на музыку, на прекрасное звучание, оттого и встроенные... А что же он вообще хочет от компа?

Когда высветился desktop, я поискал тестовые программы, не нашел, что и понятно, зачем они простому юзеру, а компу по фигу количество акций и вес в обществе, влез в виндусячьи. Все верно, комп купили элитный и в элитном магазине от элитной фирмы. А это значит, в стандартном исполнении. Но комп – не телевизор, а детский конструктор, он весь из множества частей, юзер то и дело одни части вынимает, а другие вставляет. Здесь же все всобачено на века. Красиво, внушительно, добротно, надежно.

– Ну как? – спросил Конон.

– Красиво, – сказал я искренне. – Именно такой комп и должен быть у крупного руководителя.

Он посмотрел с подозрением.

– Какой?

– Внушительный, – ответил я. – Блестящий. С брендовой наклейкой. Неважно, что внутри, но смотрится – класс!

Он кивнул.

– Ну-ну, а что внутри?

– Стандарт, – ответил я. – Зато самого высшего класса. Все сбалансировано, подогнано. И программы старые, проверенные. С этим компом сто лет ничего не случится.

Я уловил злой взгляд Козаровского. Шеф службы безопасности смотрит с явной неприязнью. Такие не терпят ни малейшего противоречия, дурное наследие армии. Конон тоже смотрел, набычившись, недовольно. Этот еще хуже: и армия, и партруководство, и сегодняшняя власть тугого кошелька.

– Это ж хорошо? Ты хвалишь, но мне чувствуется что-то другое. Нехорошее. У тебя самого какой компьютер?

– Попроще, намного проще. Но, конечно же, намного мощнее.

Он спросил с недоверием:

– Мощнее?

– Ну да, – ответил я. – Хотя для моей работы не нужна особая мощь, но все-таки...

Он буркнул:

– По Москве можно и на запорожце, все равно больше семидесяти нельзя, ГАИ остановит, но зачем-то покупают мощные мерсы... А что в твоём компе круче?

Я ответил с удовольствием:

– Хотя бы джифорс – это новейшая крутейшая видеокарта. Еще у меня директ Икс-7, а здесь все еще 6-й... Да и много других примочек. Конечно, это головная боль: к новейшим картам нет драйверов, надо отслеживать и вовремя скачивать из Интернета, в то время как вы купили готовый комп со всем готовым софтом... Софт – это программы. Все отлажено, все проверено, ни во что не надо влезать, подправлять, апгрейдить. Включай и пользуйся.

Он мрачнел все больше, наконец заявил:

– Знаешь, я когда-то жил в однокомнатной квартире в пятером. Потом в трехкомнатной хрущобе и был счастлив. Но сейчас у меня это чудовище... в иных комнатах я вообще не был. Но зачем-то ж я его построил? И даже апгрейду, как ты говоришь?

– Понял, – ответил я. – Если хотите, берусь сделать из этой машины гоночного монстра. И еще... Я там заметил одну директорию... Там квака... то есть Quake, стрелялочка. Эта случайно попала или как-то ваш программмер вписал?

Он поморщился, понял, почему я смотрю в его лицо с таким напряженным вниманием, сказал с неохотой:

– Да, как-то продемонстрировал мне возможности компа. Мол, и работать, и играть можно.

Я кивал, делал вид, что верю, хотя если не лох, то сразу видно: сэйвов многовато, да и в кваке такая особенность, что сэйвы не сам называешь, а дата ставится автоматом. А по датам судя, кто-то режется в кваку четыре месяца кряду...

– Как раз для игр и требуется комп помощнее, – сказал я. – Для работы большинству юзеров хватило бы и трешки, первый пень – супер. А играм нужны акселераторы, большие харды... Компом только вы интересуетесь? Ваша супруга... нет?

Он отмахнулся:

– Она на компьютер смотрит, как священник на дьявола. Женские романы – вот ее жизнь.

– А вы знаете, – сказал я, – только что вышла первая игра... как раз для любительниц женских романов.

Он уставился с недоверием:

– Ты... серьезно?

– Абсолютно, – сказал я. – Есть фирмы, что не хотят упускать домохозяек... Вернее, хотят привлечь их.

Он сказал все еще с недоверием:

– Если ты сумеешь усадить ее за комп, то я... тут же удваиваю тебе жалованье!

Я вроде бы не боец, фигурой не вышел, да и зрение у меня минус семь, без очков все расплывается... и хотя мелочи меня не интересуют, но из-за зрения меня освободили от уроков физкультуры, ибо от нагрузки может отслоиться сетчатка глаза. С близорукими это сплошь да рядом. Словом, где другие не могут подтянуться на перекладине, я не могу даже провисеть пару секунд, зад как у бегемота, но вот сейчас ощутил себя на коне и с копьём наперевес, а в воздухе все еще звучит хриплый рев боевого рога... Вызов!

Я опустил забрало, повел могучими плечами, проверяя, как сидят на мне доспехи, весят два пуда, а как легкая майка, взял турнирное копьё крепче и сказал:

– Сумею!

Конон смотрел подозрительно, я постарался ответить таким же уверенным взглядом. На самом деле этот мужик нравится, хотя все время настраиваю себя против него: и мафиози, и бывший военный, и партийный работник, да еще и коммунист – все это тяжкие обвинения для демократа, а я все-таки демократ, хотя и очень пассивный демократ. Демократ в душе, очень глубоко в душе, на площадь никогда не выйду. Не из трусости, а так, вообще. Не пойду, и все.

– Что ж, берись, – сказал он. – Берись...

Но даже на хорошем рыцарском коне и в надежных доспехах профессионала я чувствовал, что бросаюсь в воду вместе с конем, не умея плавать. К тому же не просто в летнюю прогретую солнцем воду, а в прорубь, где по краям мерзлые наледи.

– Берусь, – повторил я. – Здесь слишком много дерьма, извините... а я как раз такой вот компьютерный разгребатель.

– Что тебе для этого нужно?

– Позвольте, – сказал я, – комп для Светланы Васильевны я куплю сам.

От двери громко кашлянуло, словно раздался выстрел из гранатомета с глушителем. Козаровский поднялся, подошел, оглядел меня с головы до ног. Я молчал, он наконец сказал неприятным голосом:

– А почему нельзя взять один из этих? Дело не в экономии денег, просто здесь, как я знаю, самые дорогие и современные. Валёк покупал самое, как он говорил, крутое. Даже крутейшее.

Я указал на яркие коробки с лицензионными программами.

– Что самое дорогое, вижу... Мне по фигу, сколько у вас денег. Вы на скачках за раз проигрываете больше, чем я зарабатываю за всю жизнь, но когда нелепо уж чересчур, то как не сказать? В банке или в офисе надо держать такие коробки на видном месте, чтоб иностранные партнеры видели, что пиратским софтом не пользуетесь, но здесь зачем?.. Дома вас не проверяют. Мы и так вкладываем в экономику Юсы столько миллиардов долларов ежемесячно, что... К тому же эти программы делали сбежавшие из России программеры.

Козаровский сказал подозрительно:

– Ты хочешь сказать, что Илья Юрьевич должен пользоваться ворованными программами? Да еще воровать по мелочи, как какая-нибудь шестерка?

Я ощутил, как под копытами моего коня затрещал молодой лед. Во все стороны побежали черные ветвистые трещины, кое-где начала выступать темная вода.

– Я хочу сказать, что есть вариант все это покупать дешевле. В сотни раз! Но вы... как хотите. Я только предложил.

Козаровский хотел сказать что-то резкое, Конон сказал примирительно:

– Мы выходим из тени, но и в теневом бизнесе есть кое-что привлекательное, не так ли?

Козаровский нахмурился, потом спохватился, пожал плечами. Но взгляд, которым меня наградил, был прицельным и запоминающим.

ГЛАВА 10

Я дозвонился в фирму, где работают мои знакомые ребята. Вообще-то, хотя я не очень контактный персонаж, но у меня много NPCов в таких фирмах. Для работы их надо много, чтобы вовремя достать нужную плату, обменять, перепродать. Да и вообще, это ж свои...

Только наивные думают, что если западное, то в избытке. Вот в Джапии сейчас остановили прием заказов на приставки Playstation-2, заводы-де не справляются с нагрузкой, хоть и пашут в три смены, все распродано на полгода вперед, народ в очередях, а в Юсе записываются на Xbox по блату... Своим не хватает многих чипов, плат, акселераторов. Какой идиот в таких условиях станет поставлять дефицитные платы гребаной России, здесь вся надежда на челноков и контрабандистов.

Конон отправил со мной Сергея. Вернее, меня при Сергее. На мощном мерсе за четверть часа до Окружной, затем с черепашей скоростью по городу, и вот она, фирма. Комп уже на столе, собранный, отлаженный, только что не перевязанный красной лентой. Сергей с некоторым недоверием расплатился, NPCсы помогли даже погрузить, довольные как слоны, три сотни лишних наварили, а мы снова как будто на 286-м по городу, затем как на третьем пне с джифорсом по Кольцу, красота, немерено гигапикселей в секунду, динамичное освещение, лишь на выезде с Кольца на дорогу к особняку снова вышли в обычную скорость третьего пня на восемьсот с тээнтэ или с простеньким вуду.

Конон удивился:

– Уже?... Быстро очень.

– Быстро только раки зимуют, – ответил я с досадой. – Последний джифорс поставили! А то бы пришлось искать в другом месте. Но теперь все в порядке.

– Сколько заплатили?

Сергей сказал, Конон вскинул брови:

– А эта штука будет работать?

Сергей повел башней в мою сторону. В глазницах вспыхнули красные огоньки лазерных прицелов. Я развел руками.

– А что не так? Этот зверь помощнее вашего.

– Да ну? А почему такой дешевый?

– Компы все время дешевеют, – ответил я, хотя, понятно, покупать в фирме почти на треть дешевле, чем в арендуемом магазине, где надо выплачивать зарплату, платить налоги, а Сергей заплатил черным налом. – Да и железо здесь простое, тайваньское да корейское.

Анна Каренина, она же Светлана Васильевна, встретила нас в коридоре. Я в очередной раз убедился, что Толстой с нее писал свою героиню, она в самом деле «с легкостью носит свое пышное тело», но на огромные ящики в наших руках посмотрела с немим отвращением.

Я все понял, едва переступил порог. Так вот он каков, переходный век между современным и компьютерно-интернетным! В эпоху Толстого, как известно, был нелепый мир с париками, пышными платьями, прическами, альковами и прочими амурами. Даже запах здесь толстовский, хоть и приятный, без привычной резкости современных дезодорантов. Мебель под Тургенева, приятный розовый свет, розовые шторы и розовые занавески. Огромный красивый стол ручной работы: резные ножки с фигурками амуров, даже не представляю, как с них вытирать пыль, во всем добротность, надежность, которую женщины ценят больше, чем мужчины.

Мы опустили коробки на пол. Я быстро распаковал ту, в которой экран, он смотрится лучше. Светлана Васильевна взглянула с отвращением и поморщила свое полное красивое лицо.

– Как он безобразен!

LCD-шный экран на двадцать один дюйм и с разрешением в тысяча двести восемьдесят на тысячу двадцать четыре есть на сегодня высшее, что в состоянии создать высокая технология. Плюс поворотник и прочие навороты: за розничную цену в пять тысяч баксов дизайнеры потрудились вовсю. Этот экран хоть щас на выставку высокого прикладного искусства, но Светлана Васильевна все морщила нос, вздыхала, потом села на диван и смотрела на нас, варваров будущего, с беспомощной покорностью расстреливаемых или растлеваемых красными комиссарами девиц из Благородного Пансиона.

Да, подумал я с растущим чувством безнадежности, это как в покои Людовика Третьего с компом. Или Четырнадцатого, один хрен. Тут звон бокалов и шпаги звон, бриллиантовые подвески, кто с кем спит, начинать ли войну за испанское наследство, а я с таким непонятным чудовищем... Даже любимый нами д'Артаньян не одобрил бы это в спальне королевы или своей любимой мадам Бонасье... Еще и шпагой бы лихо засадил в экран по самые... по самый эфес. Или привел бы коня, чтобы тот подкованным копытом.

Я невольно прикрыл экран ладонью. Лучше уж по пальцам, чем по такому сокровищу.

– Это самый лучший в мире дизайн, – сказал я. – Сам великий Гавгамел разрабатывал!

Она спросила озадаченно:

– Сам Гавгамел? А кто это?

Черт, подумал я расстроено. Нормальная женщина постеснялась бы признаться, что чего-то не знает, кивнула бы просто с понимающим видом, а эта как из деревни.

– Он конструировал мебель для Мадонны, – нашелся я. – Или не для Мадонны, а для Томми Круза?.. Словом, великий дизайнер.

– Ну... тогда ладно.

Последний раз я был в таком помещении, когда со школьной экскурсией бродил по музею. Даже не помню, какому, но там эта вычурная мебель, над которой художники по дереву трудились веками, эти столы, на которые страшно поставить горячий чайник, эти картины, похожие на иконы, и иконы, похожие на картины, там эта же торжественно-похоронная тишина.

Я торопливо распаковывал сам комп, подключил. Оперативку ребята закачали сразу, даже сами выставили все основные параметры. Проблем нет, кроме того пустячка, что комп выглядит, как современный автомобиль среди королевских карет: украшенных золотом, с резными ручками на дверцах, ажурными ступеньками, богатыми и роскошными. В таких каретах нет ни дюйма гладкого пространства, все покрыто узорами, украшено серебром и золотом, самый современный автомобиль рядом выглядел бы непристойно голым. И нищим, что еще хуже.

Включенный комп с огромной скоростью проверился и доложил, что готов к работе. Я пустил его по тестам, а пока он тестировал себя и докладывал, какие платы в нем и хвастался расширенной до упора памятью, я говорил как можно ровнее и будничнее:

– Светлана Васильевна... вы в своих романах часто остаетесь недовольны, что героиню обижают, что она не за того выходит замуж?.. Так вот написан такой роман... где вы сами будете подсказывать бедной красивой девушке... Кстати, вы сами выберете ей лицо, фигуру, одежду, сами обустроите ей домик... Правда, денег хватит только на однокомнатную с самой простенькой обстановкой, надо сразу же устраиваться на работу, чтобы платить квартплату, но вы в тот же день познакомитесь с разными людьми, соседями, среди них будут красивые значительные мужчины...

Она слушала с безразличным вниманием. Конон просил ее послушать, вот она и слушала. Я вставил диск, пошел автозапуск, стал прокручиваться ролик, пошли милые картинки домика, целующихся парочек, объятия, купание в бассейне...

Она смотрела без интереса, сказала нехотя:

– Меня компьютеры не интересуют. Это все что-то бездушное.

– Как? – изумился я. – Да это... это... Смотрите!

Я вошел в «Купить участок», нажал. В животе у меня напряглось, а ощущение поражения уже поднялось по горлу, свело челюсти так, что заныли зубы. В лобных пазухах стало тяжело, как при затыжном гайморите, а в мозгу повисла черная пелена. Мои пальцы двигались все медленнее.

Светлана Васильевна смотрела рыбьими глазами. Так смотрят на экран кошки, собаки и люди двадцатого века, замечая лишь перемещение световых пятен.

– Вот тут надо нажать, – объяснял я жалким заискивающим голосом. – Берете в ладонь вот это милое устройство... Здесь три кнопочки... Указательным пальцем зависаете над крайней слева... Даже опускаете пальчик... какой у вас великолепный маникюр!.. но не жмите, не жмите...

На дисплее высветился зеленый участок с редкими деревцами, одной лужицей и безобразным голым пригорком. Справа дорога – шоссе, автобус отошел, фыркнул черным дымом. На краю дороги сиротливо стояла молодая женщина с маленьким саквояжиком в руках и растерянно смотрела на пустой участок.

Я жадно всматривался в лицо хозяйки могущественного босса. В ее глазах большой породистой рыбы появился некий интерес. На экране в позе сиротки стоит она сама. В ее нынешнем платье. Дело в том, что я вчера получил от Конона ее фото, выбрал подходящие, натянул skin, это все умеют, поставил ее лицо, а затем, когда покупал комп, прямо там, в фирме, устанавливал уже подготовленную игру. И вот теперь она на краю тротуара, только что высаженная из автобуса, отрешенно смотрит на зеленый газон, участок земли, который она купила. У нее осталось всего семь тысяч долларов на мебель, кухню, холодильник, спальню...

– Обустраивайтесь, – сказал я заботливо. – Сейчас вы в порядке, но скоро захотите кушать, устанете. Вам понадобится холодильник, кресло или кушетка для отдыха...

Она тупо смотрела в экран. Иногда мне казалось, что изображение для нее исчезает, она видит только цветные пятна, но глазные яблоки в орбитах все же двигаются, зрачки за чем-то следят...

Ее умело накрашенный рот изогнулся в брезгливой гримасе.

– Но это же компьютер! – произнесла она протяжно. – А я не знаю, как он работает.

– А как работает телевизор? – спросил я торопливо. – Даже я не знаю! А я ремонтировал все марки. Это тот же телевизор, только управляете собой сами. Берите мышку в правую руку... вот это устройство и есть мышка...

Она сказала с недовольной гримаской:

– Ну, знаете ли... Илья Юрьевич что только не придумает!

Я сказал уважительно:

– Илья Юрьевич очень хотел, чтобы вы попробовали...

Это было рискованно, Конон такого не говорил, но мне надо спасти шкуру, сейчас моя карьера не просто зашаталась, а затряслась, как при землетрясении.

– Ну, знаете ли, – повторила она еще недовольнее, – Илья вечно что-то придумает. То самолетики в дом таскал, то модели двигателей... Он вынужден был возиться с техникой, работа такая, а я... я человек искусства, для меня Пикассо – бог...

Однако если Пикассо бог, то Конон – полбога, и она не осмелилась встать и уйти, смотрела, как я вожу мышкой, потом взяла ее в ладошку сама. Держала мышку брезгливо и очень цепко, будто это и в самом деле живой грызун, вот-вот извернется и вцепится в палец длинными отравленными зубами, на которых микробы, потому надо держать крепко, даже душить, чтобы не вырвалась. Курсор ползал по экрану везде, но только не там, где надо, а так как я настроил все три кнопки и даже колесико, то по пути ставились на газон холодильники, кусты, даже стены...

На экране цифра, означающая сумму в долларах, обнулилась. Светлана Васильевна сказала с досадой:

– Вот видите! Ничего не получается.

– У вас получается намного лучше, чем у большинства, – похвалил я, это надо делать обязательно, иначе начинающие совсем падают духом и бросают это дело, «чтобы не позориться», – другие вовсе не попадают курсором в экран! Теперь делаем так... Выходим без сохранения... вот снова вы у обочины, смотрите на свой участок, у вас прежние семь тысяч.

Она сказала с сомнением:

– Тогда лучше сперва поставить стены?

– Мудрое решение, – похвалил я. – У вас, в самом деле, получается хорошо.

Мне показалось, что кончики ее ушей порозовели от удовольствия. Конон заботится о ней, это ясно, но явно лишь как о боевом товарище, который с ним шел плечо в плечо по тайге, жил в бараке, коммуналке, который с ним безропотно переносил голод и холод, растил детей, а теперь заслужил покой и отдых. А он, Конон, счастлив, что может дать ей покой и отдых... но в нем самом еще столько звериной силы, что какой там отдых, с шашкой наголо несется на боевом коне, что-то там создавая, захватывая, расширяя, это на нем еще пахать и пахать, взрыхлять Змеевы Валы...

– Хорошо-хорошо, – сказал я. – Не дергайте ее, она посуду сама уберет...

– Но там мухи! – сказала Светлана Васильевна с тихим ужасом. – Мухи над тарелками!

– Она там... – сказал я и поправился: – вы там сами уберете.

На экране уменьшенная копия Светланы Васильевны остановилась, подняла руку, понюхала под мышкой, поморщилась.

– Что с ней? – встревожилась Светлана Васильевна.

– Увы, на дезодоранты пока нет средств, – сказал я сочувствующе. – Придется мыться чаще...

Мне показалось, что Светлана Васильевна дернула локтем, словно намереваясь поднять руку и понюхать у себя в реале, но сумела удержаться, кое-как с третьей попытки послала себя виртуальную в душевую кабину. Я торопливо объяснил, что когда станет зарабатывать больше, то сможет купить ванну, а потом и вовсе всякие там джакузи, а пока вот так...

На экране фигурка разделась донага, вошла в душевую и закрыла дверь. Здесь был опасный для меня момент, так как я убрал цензурный блок, затемняющий нагие тела, но Светлана Васильевна смолчала. Да и вообще-то объяснимо: хоть я выбрал из набора самую полную фигурку, но все же это полная фотомоделка, а не располневшая домохозяйка. Сейчас Светлана Васильевна с удовольствием ждет, когда она домоется и выйдет, чтобы еще раз посмотреть на себя...

Где-то через час в комнату заглянул Сергей.

– А, вы здесь... Там Нюрка уже накрыла стол.

Светлана Васильевна сказала торопливо:

– Вы, Андри...ша, Андрий, идите-идите. У меня, увы, диета. Лишний вес, знаете ли. Мне даже смотреть нельзя на все эти... А как выйти в режим покупки? Ах да, вспомнила...

Я тихонько попятился. Сергей покачал головой, молча вышли в коридор. Сверху с лестницы просторный холл во всей красе: два камина, мебель и картины на стенах, а посередине немалый обеденный стол. Во главе стола уже сидел Конон. Его брови удивленно поднялись, когда увидел только двоих.

– А где же Светлана?

Сергей ответил почтительно:

– Они сказали, что у них диета. Доктор запретил ей даже смотреть на все жирное, а так как мы с вами толстые...

Конон поднял взгляд на меня. Мое сердце тряслось, как овечий хвост, ибо за последние десять минут были мгновения, когда его жена готова была все бросить и никогда к компу не возвращаться, сейчас вроде бы заинтересовалась, но интерес еще не перешел в стадию увлечения, вдруг да споткнется на каком-то камешке за мое отсутствие...

– Осваивает комп, – ответил я кратко.

– Комп?

– Через игру, – пояснил я. – Все с игр, все с игр...

– Как все звери, – подсказал Сергей. – И птицы. И рыбы... Вот у меня кошка, так вот она...

Конон покачал головой, в глазах было сильнейшее недоверие.

– Ей и не надо осваивать... Пусть освоит хотя бы то, что относится к играм. Я не хочу, чтобы она звала тебя выключить его или включить. Но, честно говоря, ты меня ошарашил. В тебе спит великий педагог!

Сергей хмыкнул, предложил мне деловито:

– Разбуди и выгони. Или бери квартплату.

Нюрка, покачивая горячими бедрами, у нее свои игры, поставила передо мной тарелку с половинкой курицы в окружении парующей гречневой каши. Ухитрилась прижать бедром мне руку к столу так, что я ощутил ее крепкое жаркое тело. Сергей гадко заулыбался, глядя, как я неуклюже попытался выдернуть пальцы. Дергал я не сильно, не хотел привлекать внимания, но при желании мои судороги можно было истолковать и по-другому.

Конон смотрел на меня неотрывно.

– Уверен, что она сейчас не на диване с розовым романом в руках?

– Не уверен, – признался я. – Но если не лежит, то она... попалась.

Сергей хихикнул:

– Илья Юрьевич, придется яйцеголовому повышать жалованье.

– Пока не проверю, – сказал Конон, – пока не проверю...

Но обед закончил быстрее, чем обычно. Я не видел, как он обедает обычно, но сейчас явно торопился.

Когда мы вдвоем заглянули в ее комнату, Светлана Васильевна суетливо двигала мышкой, ругала, но не комп, а себя, ту себя, которая там ходит бестолково и натывается на мебель, застревает, не успевает в туалет, вот снова уписалась, ревет...

Я подошел на цыпочках, сказал негромко:

– Все хорошо, все отлично! Вы все делаете восхитительно правильно. Но только не мучайте там себя, доверяйте больше... Вы там внутри сами накроете себе стол, сами сходите в туалет, помоете руки или примете душ. Только не мешайте отсюда сверху, не загружайте другими заданиями. Мебель расставили хорошо, со вкусом. У вас хороший вкус! Только оставьте здесь проход пошире... Просто передвиньте стол. Ей и так хорошо, но, когда придет мужчина, они могут застрять...

– А что, придет и мужчина?

– Если позовете, – объяснил я. – Знакомых будет много... А телефон вы уже повесили на стенку. Хорошо повесили, близко к ванной. И к кухне. Только еще один можно будет в гостиной...

– А не дорого? – спросила она тревожно. – Я, знаете ли, только что устроилась на работу официанткой... Зарплату еще не получала!

Конон вышел на цыпочках.

ГЛАВА 11

Светлана Васильевна то и дело останавливала игру, заново переставляла мебель. Деньги она сэкономила отчаянно, умело. Похоже, ей в самом деле пришлось испытать и крайнюю бедность, и работу в две смены, и придирки хозяина, у которого они с Кононом снимали квартиру.

Наконец я тоже покинул ее, наговорив кучу комплиментов умению так быстро схватывать принципы управления. В коридоре пусто, воздух прохладный. Из окна виден зеленый, как бильярдное поле, двор, Козаровский что-то втолковывает Антону, тот виновато разводил руками. Вот Козаровский рывкнул, Антон вздрогнул и вытянулся в струнку, руки по швам. Черт, да тут еще та команда...

Я попятился, а то еще и меня вот так по струнке, спустился по лестнице. Справа по холлу, он же коридор, вроде бы голоса, я добрался к двери, из-за которой не только голоса, но и запахи украинского наваристого борща, жареного мяса, картошки.

Раскрасневшаяся Нюрка сидела на коленях Сергея. Тот развалился в небрежной позе на широкой деревянной лавке с широкой спинкой, в одной руке бутылка с пивом, другую небрежно забросил на дерево лавки. Я бы попятился, но, кроме них, здесь же на кухне Антон и Гриць, один присосался к горлышку бутылки, запрокидывая ее вверх дном, другой раскачивается на массивном табурете, пытается усидеть на двух ножках.

– Заходи, – пригласил Сергей великодушно. – Говорят, Иисус умер за наши грехи. Так давайте его не разочаруем.

А Гриць бухнул:

– Добро пожаловать в клуб «Для тех, кому за \$30».

Нюрка кивнула мне, нехотя слезла с Сергея, да то лишь потому, что на двух сковородках угрожающе шипело, пришлось где полить маслом, где перевернуть, где потыкать вилкой. Шипение медленно стихло. Нюрка для верности накрыла крышкой.

– Девушка не шлюха, – объяснил мне Сергей. – Она просто расслабилась. Пиво будешь? У Нюрки целый склад.

– Буду, – сказал я. – Хотя я от пива всегда тупею. Но такая жара.

Нюрка оценивающе оглядела меня с головы до ног и обратно.

– Говорят, ты новый яйцеголовый?

– Меня зовут Андрий, – сказал я. – А ты и есть Нюрка?

Она промурлыкала:

– Что в имени тебе моем, ты оцени груди объем... Что тебя еще интересует, кроме компов?

Антон повторил заинтересованно:

– Что в вымени тебе моем... Класс!

Сергей вмешался:

– Нюрка, он человек самой банальной сексуальной ориентации. Как и все мы здесь. Прimitивы!.. Андрий, ты ей не поддавайся. Она любит умников. Это для нее такое извращение. Мол, чем выше интеллект, тем ниже поцелуи.

– Нюрка у нас умница, – подтвердил и Гриць. – Слона на скаку остановит.

Нюрка огрызнулась:

– То, что ты писаешь стоя, еще ничего не значит. Если бы у моей собаки была такая же рожа, как у тебя, я бы гуляла с ней только ночью.

Сергей заметил:

– В женщине все должно быть прекрасно: и ноги длинные, и язык короткий. Так что, Нюрка, ты лучше раздвинь ноги навстречу традиции... и помалкивай. А если еще и поставишь мне литру водки, ты будешь даже красивая.

Нюрка снова оглядела меня, теперь уже с ног до головы и обратно. Промурлыкала:

– Из двух зол я выбираю то, какое раньше не пробовала.

– Ах, Нюрка, Нюрка! – сказал Сергей предостерегающе. – Всю ночь ты не смыкала ног...

И откуда в тебе столько... гм... женственности?

Я молча пил из горла, помалкивал. Напряженные мышцы медленно распускали узлы. В желудке, где с утра по направлению к заднице продавливается наковальня, стало свободнее. Вообще-то пиво я позволяю себе только в конце рабочего дня, но сейчас я вроде бы сделал великое дело, укрепил позиции. Хотя все еще не знаю, сколько Конон собирается мне платить. Это чисто по-русски: устраиваться на работу, не обговорив условия, не составив хитроумный контракт, который юристы должны обнюхать на предмет заложенных мин...

– Сергей, – сказал я, – я не знаю здешних порядков. Я закончил там... со Светланой Васильевной. Что теперь, ждать, когда меня вызовут, или самому идти искать работу?

Сергей не отрывал взгляда от могучего зада Нюрки.

– А я думал, вы с шефом старые корешки...

– То было в советскую эпоху, – нашелся я, – а сейчас время другое!

– Другое, – вздохнул он. – Совсем пропало чувство плеча, осталось только чувство острого локтя в бок, а то и пинка в зад. Но все же жизнь есть жизнь, в какой бы позе ни проходила. Сейчас старые связи по фигу, миром правит экономика, а это значит, что голод не тетка – полюбишь и козла. Так что допивай, а потом дуй снова вверх, потом направо... понимаю, это трудно, у всех у нас рефлекс налево, но ты себя пересиль, зато будешь там в конце вознагражден... дверью с номером семнадцать. Там рядом еще одна, без номера, я еще ни разу не видел, чтобы кто-то в нее входил, но ты дуй в семнадцатую. Конон там. Но дверь ногой не открывай, понял? Ногой не открывай!

Я добросовестно запоминал, кивал, Сергей трижды повторил, я наконец отправился отыскивать эту загадочную семнадцатую. Сердце колотилось в страхе, что не отыщу, я всегда мандражирую по пустякам. Если не отыщу, придется возвращаться, переспрашивать, ноги при одной мысли о насмешках становятся ватными.

На втором этаже шел медленно, считал двери. Табличка с номером семнадцать оказалась на двери, показавшейся смутно знакомой. Толкнул дверь, пахло духами, перед внутренним взором сразу прорисовалась нежная светлая девушка с золотыми волосами, везде цветы, бабочки...

А по ту сторону приемной массивная дверь. Я тупо посмотрел на нее, деревянные ноги донесли вплотную, и только сейчас узнал дверь, за которой уже побывал час назад. Это Сергей так шутит, у него свой юмор. У меня компьютерный, у него – казарменный.

Огромный кабинет, массивный стол под дальней стеной и торчащая кабанья щетина, что заменяет Конону прическу. Конон склонился над бумагами, видно, как листает в раздражении, что-то подписывает, правит, вычеркивает так резко, что наверняка рвет пером бумагу.

У меня к людям, которые имеют дело с допотопными бумагами, жалость, как к инвалидам или убогеньким. А у Конона бумаги вообще древние, в древности печатали даже не на принтерах, а были такие механические устройства, надо было с силой колотить по клавишам, чтобы получился оттиск. Что-то еще догутенберговское. А чтобы получить копию, надо бы ставить еще листок, а между ними проложить такую пропитанную с одной стороны краской бумажку, так и называемую копиркой... У секретарш пальцы всегда были испачканные, а у их начальников... гм... Словом, секретаршам приходилось советовать не использовать копирку вместо туалетной бумаги.

– Садись, – велел Конон. – Ну, как тебе у нас? Я вижу, что не ошибся. А если и ошибся, то в лучшую сторону. Думал, ты только в железе ас! Вот уж не ожидал, что сумеешь мою дражайшую заинтересовать.

– Да все просто, – ответил я. – Я уже многих друзей так... Люди просто боятся компа. Стоит их похвалить, сказать, что у них получается даже лучше, чем у других, тут всякий чувствует себя орлом. И в самом деле, перестает громоздить глупость на глупость. Светлана Васильевна сегодня поздно ляжет спать, вот увидите.

– Гм, – сказал он с сомнением.

– А вот нам труднее, – сообщил я. – Илья Юрьевич, мы с вами как евреи в фашистской Германии, как негры в старых Штатах, как прокаженные в средневековой Европе, как... как не знаю кто! Нас и сторонятся, и жалеют, как придурков, как...

Он смотрел, набычившись. Сказал с подозрением, голос похолодел:

– Что-то не понимаю, о чем ты.

– Все очень просто, – заговорил я торопливо, чувствуя, что моя успешно начатая карьерка сейчас может оборваться. – Я хожу менять платы одному академику. Он не так богат, как вы, но его знают во всех странах, он лауреат международных премий, почетный член Британской, Испанской и Сорбоннской... есть такая страна?.. академий. У него имя, имидж, сурьезные работы по ядерной физике. Так вот он играет на компе тайком даже от жены! Это ж что за жизнь: ни разу не насладиться полноценным звуком долби... разве что когда жену удастся спровадить в гости! А она, как назло, заядлая домоседка. Игры я ему таскаю в рефератах по этой самой ядерной физике, чтобы, если кто глянет на обложку, понимал, что молодой аспирант идет к своему наставнику! Как будто поллитру тайком нес.

Я говорил и говорил, ибо пока человек говорит, он может заставить говорить другого, а чем больше тот, другой отвечает, тем меньше способен на какие-то решительные действия.

Наконец Конон сказал:

– Я тебя что-то не понял. Это ты к чему?

– Я не такого ранга, – сказал я с отчаянием, – как вы с академиком. Но даже мне приходится чуть ли не тайком от отца играть... Нет, я не прячусь, но это ежедневное о том, что глаза порчу, что черт-те чем занимаюсь, что я из семьи интеллигентов, а веду себя как тупоголовый тинейджер из неблагополучной семьи, что все мои одноклассники вышли в люди, только я урод... Словом, я могу поставить вам не ту примитивненькую кваку, вторая квака куда круче, а на днях вышла третья, то ваще рулез... Есть еще анрылий турнир, там отпад полный, вы в самом деле получите полную оттяжку. А то что за жизнь: иметь такие деньги – и не пользоваться в свое удовольствие?

Он смотрел злыми глазищами. Лицо налилось кровью. Мне показалось, что вот сейчас наберет в грудь воздуха и рявкнет: вон, придурок, не выплачивать ему, а то и вовсе контрольный выстрел в голову, но Конон явно вспомнил, что слегка приоткрылся еще в мой первый визит на его роскошную виллу, а умному много ли надо? Он тогда прошелся насчет шашлычков на свежем воздухе, набора стандартных времяпрепровождений, а отсюда недолго до вывода, что и казино для него вовсе не развлечение, а так... что-то вроде обязательного воскресного выхода в церковь для нашего мэра.

Я с трепетом видел, как широкая горкомовская грудь угрожающе вздулась, он был грозен, как член легендарного Политбюро КПСС, затем я услышал медленный выход, бетонная плита широкой груди опустилась на место. Он сказал почти спокойно:

– Не спорю, эти штуки... привлекательные. Но у меня слишком много дел, чтобы... играть.

– Это другое дело, – сказал я поспешно. – Дела – прежде всего. Я просто предложил заменить старые игры на вашем компе новейшими. Игры – это не кино, где можно смотреть и фильмы десятилетней давности! Игра прошлого года всегда уступает нынешней и по графике, и по наворотам, и по трюкам. Даже по сюжетам. Если вдруг у вас окажется минутка свободного времени... то лучше истратить ее на игру высшего класса. Ведь у вас, с вашими деньгами, и комп хуже, чем у меня, и программы, и даже игры!.. А это, скажу честно, нелепо.

Он неожиданно усмехнулся.

– Нелепо. Даже оскорбительно. Ладно, действуй. А потом посмотрим, что у тебя получится.

В дверь заглянул Козаровский, холодные глаза сразу отыскивали меня и уже не оставляли.

– Илья Юрьевич, – сказал он, – мне нужен ваш программист.

Конон сделал небрежный жест:

– Забирай!

Настроение мое рухнуло в пропасть. Только что я решил, что сумел завоевать симпатию Светланы Васильевны, а это жена могущественного шефа, только что опасно сыграл с самым шефом и... можно сказать, выиграл, а теперь вот так мордой о стену, а потом по битому стеклу...

Я обреченно поднялся. Козаровский смотрит вроде бы бесстрастно, но я вижу, насколько ему не нравлюсь. Есть люди, которые не могут и не понимают, как жить в обществе себе равных. Им надо либо подчиняться, либо подчинять. К тем, кто выше, они чувствуют равное почтение, к нижним – равное презрение, а вот все остальные – враги, соперники.

– Пойдем, – велел он. – А шнурки Илья Юрьевич умеет завязывать и сам. Если хочешь посуду помыть, то... ладно, можешь помочь Нюрке.

В коридоре и на лестнице он ни разу не оглянулся, в полной уверенности, что не посмею отстать, остановиться, залюбовавшись вот этой картиной на стене, засмотревшись на редкостной красоты гобелены, на фигурную лестницу с третьего этажа на второй, еще более навороченную – со второго на первый...

В груди был подленький страх и то чувство, которое у русских выкристаллизовалось в пословицах: стыд не дым – глаза не выест, спина от поклона не переломится, покорной головы меч не сечет, повиниться да в ножки поклониться, побьют – не воз навяют, спина наша, а воля ваша, тише воды ниже травы, не кичись, а лучше в ножки поклонись... и я покорно шел за ним, как Фатима за господином, которую если и пустят где вперед, то разве что по минному полю.

– Присматривайся, – сказал он вдруг, не поворачиваясь. – Мы прошли уже пять телекамер. Все заметил?

– Ни одной, – пробормотал я.

– Какой же из тебя компьютерщик?

– Хороший, – ответил я. – Хороший.

Он хмыкнул, все так же не оборачиваясь, – впервые видит наглеца, который так себя хвалит. Но я-то знал, что не похвалил себя, а даже принизил. На самом деле я не просто хороший, а замечательный спец по железу. Да и любую программку напишу с легкостью, сразу вчистую, после меня какие там баги, можно тестировать на любой конфигурации. Так что Конон не прогадал, когда пригласил именно меня...

Я шел через узнаваемые по играм залы, коридоры из Mist'a, спускался и поднимался по анрыльим и кваковским лестницам. Козаровский явно старался ошарашить богатством и великолепием, даже не ошарашить, а просто добить, ведь любой уже поражен, когда только подъезжает к воротам и видит сквозь ажурную кованную мастерами решетку в глубине зеленого пространства величественный замок...

А ведь, мелькнула мысль, этот особняк прошлым людям, в самом деле, кажется богатым и роскошным. Тут и мрамор, и дорогие породы дерева, и люстры, и картины... Но людям моего мира все это нищета, раз нет выхода в Интернет, если нет или мало компов. А здесь компы либо безобразно устаревшие, либо с допотопным софтом. И, конечно же, верх дикости – при таких бабках жить без выхода в Интернет.

Мы спустились по лестнице, все еще богатой и широкой, в подвал. Я ожидал увидеть ряды авто, но подземный гараж, наверное, под другим крылом. Здесь все те же просторные комнаты, стены отделаны дорогими и очень дорогими, даже я чую, породами дерева.

Козаровский направился к дальней двери. Настоящей железной, демонстративно не замаскированной, не покрытой даже кожей.

– Здесь везде телекамеры, – сообщил наконец он, все еще не поворачивая головы. Держался холодно и бесстрастно, но мне показалось, он сильно уязвлен моим молчанием. – Но половина либо не работает, либо не перекрывает все подходы. Займись ими, если умеешь.

– Это дело слесарей...

– А ты не умеешь?

– Сделаю. Но важнее, чтобы информация обрабатывалась. У вас какая аппаратура?

– Хорошая, – ответил он высокомерно. Рука его как-то уж очень привычно скользнула в нагрудный карман. У меня в желудке сжалось, здесь в подвале никто не услышит моего вскрика, если даже успею пикнуть... но в ладони Козаровского оказалась связка ключей. – Наверняка хорошая.

Я сглотнул ком в горле, спросил осипшим голосом:

– Да нет, какие компы?

– Ну, я офицер, – отрезал он с достоинством, – а не яйцеголовый. Компы есть! Стоят, жужжат. Летом от них жарко, а в ящиках так и вовсе пропеллеры крутятся. Там, внутри. Но все равно жарко. Ну и как тебе это все?

Он вставил ключ в замочную скважину, но не поворачивал, оглянулся. Наши взгляды встретились.

– Весьма, – ответил я. – Весьма!

– Что весьма?

– Всегда, – подтвердил я твердо и посмотрел ему в глаза. – Всегда!

В замке щелкнуло громко и властно. Так, наверное, щелкает затвор какого-нибудь стреляющего устройства. Типа гранатомета, а то и пушки. Тоже не маскируясь под изящную защелку, которую ставят на двери ванной или клозета.

В помещении воздух сухой, прохладный, чувствуется кондишен. Три стола в просторной комнате, комп в непомерно большом ящике, дисплей на двадцать дюймов, а на стене ряд черно-белых экранов. Я насчитал восемь, из них три отключены вовсе, видно же, а на остальных, тоже темных, внизу помигивают красные глазки индикаторов, готовы к работе.

Козаровский заходил то справа, то слева, смотрел на мои пальцы. Здесь я в своей стихии, осмелел сразу, а потом и вовсе обнаглел, едва не попросил Козаровского ввести какую-нибудь команду на ассемблере или хотя бы на языке СИ, дабы помочь мне, раз уж так присматривается.

– Все, – сказал я наконец. – Я ознакомился.

– Ну и как? – спросил он. И, не дожидаясь ответа, добавил с расстановкой: – Парень, только со мной не крути, понял? Я отвечаю за безопасность. Если заподозрю... только заподозрю!.. ты исчезнешь из этого мира. И трупик твой хладный никогда не найдут. Так что со мной всегда начистоту. И не думай, что, если побежишь и нажалуешься Конону, тебя это спасет. В системе приоритетов... слышал такое слово?.. эти компы да игрушки стоят пониже безопасности, усек?

Мороз осыпал меня с головы до ног. Козаровский стоит напротив, правая рука чуть приподнята, пальцы хищно шевелятся. То ли готовы метнуться к пистолету, вон рукоять выпирает из-под мышки, то ли нанесет удар голой рукой. Удар, от которого мой непрочный череп разлетится, как дынька.

– Усек, – прошептал я. – Конечно, безопасность... прежде всего.

Он кивнул, не спуская с меня глаз.

– Вот-вот. Безопасность. В том числе и твоя.

Моя прежде всего, мелькнула в моем черепе мысль. Вы тут хоть пожрите друг друга, пауки проклятые, мне ваша безопасность по фигу. А вот моя шкура всех ваших стоит.

– Здесь все работает, – сказал я послушно. – Только запущено слишком. Оборудование хорошее, надежное. Но сейчас уже есть миниатюрнее, с большим радиусом захвата. Про драйвера уже молчу, с ними у всех отставание...

Он слушал, кивал. Я с холодком понимал, что отчитываться придется ему, а не Конону. Тот не будет вдаваться в мелочи, а я пока что мелочь. Безопасность – не мелочь, а я мелочь.

Конон спускался по анрыловской лестнице, увидел меня, поинтересовался:

– Уже побывал в нашей операторской?

– Только что оттуда, – доложил я.

Он посмотрел внимательно, что-то ему не понравилось, но смолчал, спросил только:

– И как общее впечатление?

Я спросил в ответ:

– Честно или как?

– Этого «или как» я уже слышался. Давай уж начистоту.

– Я туповат в вашей эстетике, – ответил я искренне. – Извините, но я ни хрена в этом не понимаю. Наверное, и операторская у вас на высоте, и весь особняк... Просто лично я не понимаю, как можно жить в таком неудобном мире, да еще и радоваться, в то время, когда рядом мир простой, современный и изящный!..

Он буркнул:

– А чего ты решил, что этот, который кличешь современным, лучше?

– Потому, – ответил я, – что он – современный. А это значит, что этот мир видел как прошлый мир, так и все предыдущие миры и взял от них только самое удачное и удобное.

– Так он же ни хрена не взял!

– Вот и хорошо, – ответил я счастливо. – Ну что за удовольствие ехать в карете? Эх, как здорово мы неслись по той автостраде, что только вчера открыли! Сергей пошел по ней первым, представляете? А все те, кто ехал в обход, тоже потянулись следом за нами. Как это было здорово: скорость, бархатное покрытие, мелькающие стены, футуристическая развязка...

Он смотрел внимательно.

– Гм, кто-то скажет, что в эстетике ты не совсем туповат. Да ладно, я тебя понимаю. Только я осторожнее со словами. Сам понимаешь, возраст. Я просто говорю даже себе, что я очень занят, потому мне некогда все это понимать, чувствовать... потому мне нужны только блестящие полированные поверхности и минимум вещей. Как вон комп, где на одном диске, как говорят, если не брежут, целая библиотека! Но у меня нет времени учиться, как ее раскрывать... Так что, где заметишь, что можно улучшить, улучшай. Но, конечно, обо всем докладывай.

ГЛАВА 12

Сегодня я успел на автобус, но, когда после пересадок вышел на своей остановке, луна снова посмотрела на меня с холодным неодобрением, как на загулявшего донжуана. Звезд почти не видно, это ж московское небо, но город залит светом: яркие фонари, горящие окна домов, рекламные вывески, широкие лучи множества автомобилей...

На углу группа ребят, двое с бутылками пива. Третий все старается обнять за плечи девчонку, она лениво сбрасывает. Парень заметил меня, что-то сказал. Девчонка повернула голову в мою сторону, я узнал Тину, соседку по подъезду.

Она заулыбалась, а парень, воспользовавшись моментом, утвердил руку на обнаженном плечике.

– Привет, Андрий, – сказала она очень женственным голосом. – Уж на тебя бы не подумала...

– Чего? – спросил я.

– Что ты вот так можешь...

– Чего? – не понял я. – Если ты про баб-с, то я бы остался и на ночь. Но некоторым приходится еще и работать, увы.

Парень сказал жизнерадостно:

– Тогда ты как раз кстати!.. У нас как раз послерабочий разврат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.